

МАРТ 1988

Ровесник

общественно-политический иллюстрированный ежемесячник ЦК ВЛКСМ и Комитета молодежных организаций СССР издается с июля 1962 года

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ПРАГА. У весенне-осенней коллекции одежды для школьников, которую вы видите на снимке, есть две особенности: она сделана по пожеланиям ребят и их родителей и уже появилась на прилавках чехословацких магазинов. Модельеры молодежной одежды провели опросы в школах и среди родителей и предложили недорогие практичные и красивые брюки, юбки и платья из шерстяной шотландки, яркие оранжевые, красные, желтые куртки, которые издалека видны водителям машин, а это помогает избегать несчастных случаев на дорогах.

МОСКВА. Здесь состоялась первая всесоюзная встреча интерклубов и интербригад, в которой приняли участие 70 молодежных коллективов из 42 городов страны. Был создан Всесоюзный координационно-информационный Совет интердвижения, его задача — организовать и подготовить Всесоюзный слет интерклубов, который состоится в этом году. Для этой цели по КИДам республик распространены подробные анкеты. В апреле намечено провести Всесоюзный фестиваль имени Виктора Хары, готовится также первый тематический сборник песен интердвижения. На встрече создана рабочая группа по организации трудового отряда из участников интердвижения для поездки в Никарагуа.

СТОКГОЛЬМ. Движение «Шведские инженеры против ядерного оружия» возбудило в суде дело против фирмы «Хиаб-Фокс». Инженеры обвиняют предпринимателей в том, что те

продают оборудование США для использования его в производстве ракет. Если суд классифицирует это оборудование как «военные материалы», то контракт на продажу будет согласно шведским законам аннулирован, и фирма заплатит штраф. Представитель движения инженеров заявил, что продажа оборудования, используемого в военных целях, вносит вклад в гонку вооружения, чего народ Швеции не может допустить.

ОСТРОВ МИЯКЕ. Жители этого небольшого японского острова установили постоянные пикеты на земельных участках, предназначенных японским правительством для строительства воинской базы США. Таким образом они препятствуют началу строительных работ. Все попытки властей из Токио сломить сопротивление муниципального совета острова пока остаются безрезультатными.

БРЮССЕЛЬ. Здесь завершился семинар, организованный Комитетом по международным молодежным связям и Фламандской платформой по международной молодежной работе совместно с КМО СССР.

В семинаре приняла участие делегация советской молодежи. Представители советских и бельгийских молодежных организаций обсудили проблемы участия молодежи в политической жизни обеих стран, молодежь и средства массовой информации, опыт решения национального вопроса в СССР и Бельгии. Большое место в работе семинара заняли вопросы борьбы за мир и разоружение.

ЛЕНИНГРАД. Здесь завершилась очередная встреча молодых сторонников мира Советского Союза и Финляндии, на которой была намечена программа совместных действий в борьбе за мирное будущее планеты. «Мы верим, что придет время, когда народы преодолеют разделяющие их предрассудки, недоверие и на всей Земле наступит мир, — сказала Сопредседатель финской молодежной организации сторонников мира «Канатоходцы» Кати Хакала. — Вместе с советскими друзьями мы стремимся приблизить это время». Участники встречи побывали на предприятиях, в учебных заведениях города. На Пискаревском мемориальном кладбище они почтили память погибших в годы Великой Отечественной войны и возложили венок к монументу матери-Родины.

НЬЮ-ЙОРК. Юная советская поэтесса Ника Турбина посетила США, где выступила с чтением своих стихов. Здесь будет выпущен англо-русский сборник из 76 ее стихотворений, написанных, когда Нике было 5—8 лет.

ПАЙССЕНБЕРГ. Немецкое общество сторонников мира — Союз противников войны, возможно, первое массовое миролюбивое движение в Европе. Оно возникло в 1892 году по инициативе австрийской писательницы Берты Зуттнер, среди ее основателей были немецкий публицист Карл фон Осецкий, погибший позже в гитлеровском концлагере, и мыслитель, миссионер и врач Альберт Швайцер. Сегодня Немецкое общество сторонников мира — Союз противников войны вместе с Германской коммунистической партией и социал-демократами работает над тем, чтобы объединить усилия всех миролюбивых организаций ФРГ под лозунгом «Мир, взаимопонимание, разоружение». В конце прошлого года они выступили одними из инициаторов похода в память Улафа Пальме за безъядерный пояс в Европе. Впервые в походе за мир участвовали представители социалистических и капиталистических стран, и он проходил по землям Швеции, Польши, ГДР, Чехословакии, Австрии, ФРГ. На снимке: один из эпизодов похода в городе Пайссенберге, ФРГ.

ПАРИЖ. Патрику Маттеи (на снимке) 19 лет. В лицее он получил профессию продавца. За все те месяцы, пока он искал работу, ни одной вакансии для себя он не нашел. В каждом объявлении о найме на работу давал в качестве продавца на посыпках теперь неизменная приписка: «диплом специального технического училища обязателен». Лицейский диплом уже не нужен никому. И не потому, конечно, что труд того же продавца стал много сложнее. Нет, такова государственная политика — сначала трудоустроить высококвалифицированных специалистов. Как трудоустроить — уже не важно.

Патрик пытался попасть в техническое училище. Государственные — бесплатные — оказались перегружены, не оказалось свободных мест и в частных училищах с умеренной платой. Были и по-прежнему есть места только «по цене» в 20 тысяч франков. Но если, как у Патрика Маттеи, родители рабочий и уборщица, такая учеба не по карману.

ОТТАВА. Канада отказалась экспортировать в США питьевую воду. Как заявил министр по проблемам окружающей среды Том Макмиллан, «это миф, что в Канаде слишком много воды — да, воды у нас пока достаточно, но уже ощущается некоторая нехватка в густонаселенных районах страны. К тому же западные районы Канады в последние годы страдали от засухи».

Загрязнение естественных водоводов ряда западных стран привело к тому, что уже в течение многих лет питьевая вода, добываемая из артезианских скважин, стала предметом экспорта и продается в бутылках и специальных пакетах. Водопроводная вода используется только для технических нужд и для приготовления пищи. Многие молодежные экологические организации, не доверяя государственным службам, ведут свой собственный контроль за качеством этой воды.

ДАЛЛАС. В средней школе Мидлотиан в 30 милях от американского города Далласа убит полицейский Джордж Раффилд. Ему было двадцать

один год, но выглядел он значительно моложе, что позволяло ему под видом учащегося посещать занятия, тайно расследуя источники распространения наркотиков среди школьников. Убийство вызвало крупный скандал: до сего момента мало кто подозревал, что в этой, казалось, благополучной школе остро стоит проблема наркомании, ставшая уже типичной для многих американских школ.

ХАРАРЕ. Здесь прошла международная конференция, посвященная проблеме репрессий против детей в ЮАР, в которой участвовали врачи и юристы, а также сто южноафриканских детей и подростков. За последние несколько лет более четырехсот детей были убиты солдатами и полицией ЮАР. С сентября 1984-го по декабрь 1986 года по стандартному обвинению в «нарушении общественного порядка» было арестовано 25 тысяч детей, причем аресту подвергаются даже дети пятилетнего возраста. Присутствовавшие на конференции дети из ЮАР рассказали о пытках, которым они подверглись на родине.

ЛОНДОН. В Англии насчитывается 11 тысяч бездомных семей, пишет газета «Обсервер», 9 тысяч — лишь в Лондоне. Число их растет; примерно триста семей каждый месяц остаются без крова. Социальные программы и благотворительные организации не способны накормить, дать мочегон всем нуждающимся. Что касается детей, то специальная помощь для них вообще не предусмотрена. Половине не сделаны необходимые прививки, отсюда высокая детская заболеваемость в начальных классах. Из-за антисанитарии часты детские эпидемии.

ТОКИО. «Требуем работы!», «Сократить военные расходы!», «Увеличить ассигнования на здравоохранение и социальное обеспечение!» — под такими лозунгами в центре японской столицы перед зданием министерства труда состоялась демонстрация протеста, в которой приняли участие японцы, лишившиеся работы. Они осудили политику властей, направленную на замораживание социальных программ, увеличение военных расходов.

БОГОТА. Здесь состоялась встреча руководства Колумбийской коммунистической молодежи (ККМ) с министром внутренних дел страны. Генеральный секретарь ККМ Хосе Антекера от имени молодых коммунистов Колумбии потребовал от властей принятия решительных мер по пресечению террористической деятельности ультраправых полу военных организаций.

ДРЕЗДЕН. Эту сценку (первая страница обложки) на улице одного из старейших городов Германской Демократической Республики запечатлел фотокорреспондент В. АВЕРЬЯНОВ.

В НОМЕРЕ:

4. Нина Чугунова. ПХЕНЬЯН, КВАНБОК — НОВЫЙ АДРЕС ВСЕМИРНОГО ФЕСТИВАЛЯ
8. А. АНИН. БАРБАРА СТРОИТ МОСТЫ
10. Питер Макмилл. ЗАКАТ НА ВОСТОКЕ
12. Жан Сюр. РАЗВРАЩЕНИЕ «ТРУДОМ»
14. Стефан Продев. ОТКРЫВАТЕЛИ И ГРАБИТЕЛИ
15. РОК-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «РОВЕСНИКА»
19. А. Поликовский. СНЫ И ЯВЬ МАКСА БЕКМАНА
22. Томас Диш. ПТИЦЫ. РАССКАЗ
24. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
26. Морис Бежар. Я ЖИВУ ТОЛЬКО ДЛЯ ТАНЦА
28. Курт Лодер. «ЭТО БЫЛО ДВАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД СЕГОДНЯ»

«Ровесник»

Главный редактор
А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия:
В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ,
Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ,
С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО,
В. П. МОШНЯГА, Н. Н. РУДНИЦКАЯ,
Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ,
С. Н. ЧЕЛНОКОВ

Художественный редактор

Т. Н. Филипповская

Оформление художника

А. Л. Аникимова

Технический редактор М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП,
Новодмитровская ул., 5а.

Телефоны: 285-89-20 — для справок,
285-80-62 — отдел писем.

Перепечатка материалов разрешается
только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 06.01.88. Подписано
в печ. 10.02.88. А02951. Формат
84×108 1/16. Печать офсетная. Усл.-печ.
л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд.
л. 5,2. Тираж 2 400 000 экз. Цена 35 коп.
Заказ 319.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва,
К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Советник

Нина ЧУГУНОВА,
Евгений СТЕЦКО (фото),
наш спец. корр.

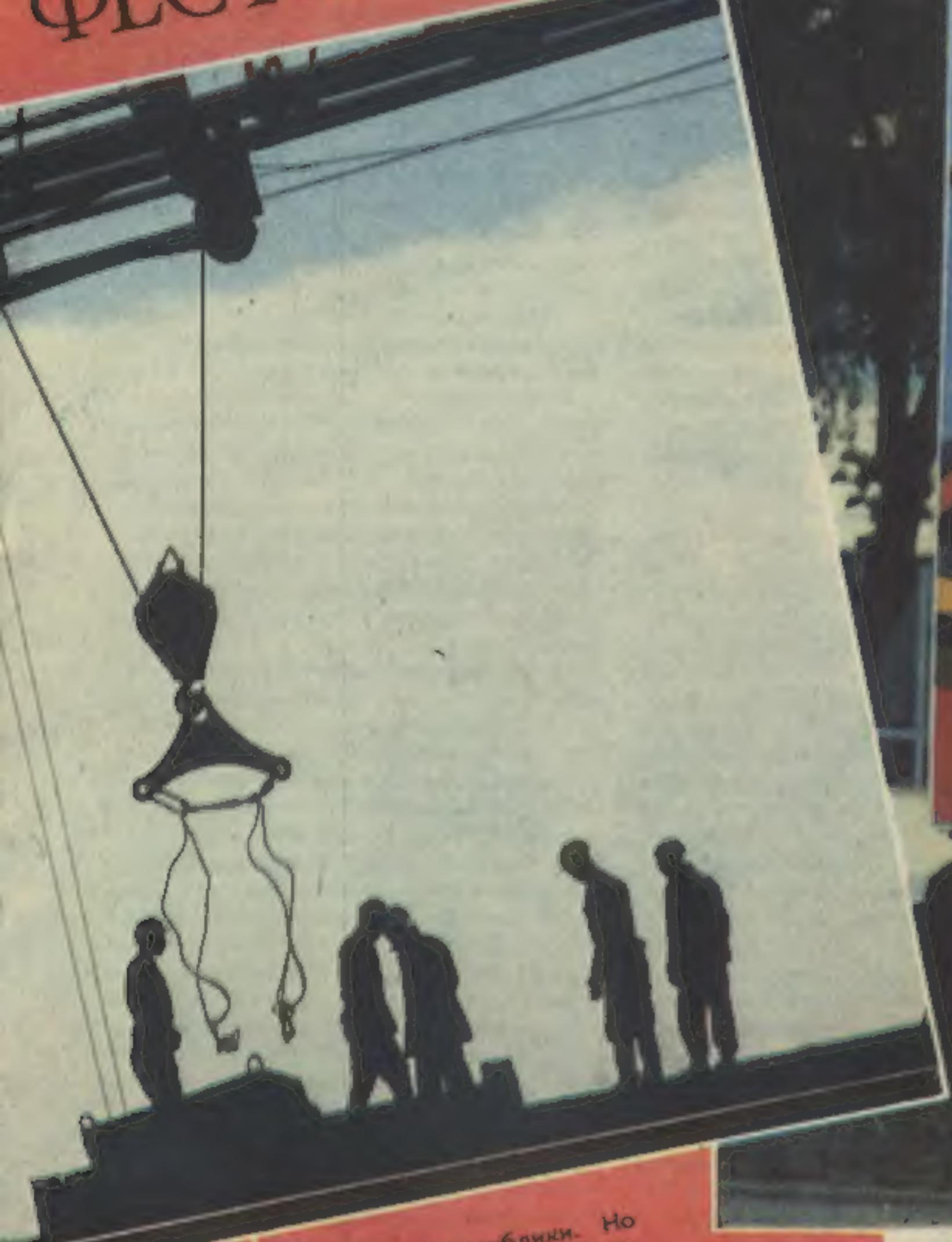
ПХЕНЬЯН, НОВЫЙ ВСЕМИРНОГО

И так, адрес XIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов, который состоится летом 1989 года — КНДР. Пхеньян, микрорайон Кванбок. Разумеется, гостей принимает вся столица Корейской Народ-

С

КВАНБОК — АДРЕС ФЕСТИВАЛЯ

но-Демократической Республики. Но основные мероприятия пройдут в Кванбоке. Там же поселятся посланцы стран — участниц фестиваля.

А что сегодня происходит в Кванбоке?

Читайте

ПХЕНЬЯН, КВАНБОК - НОВЫЙ

Десять дней мы пробыли в КНДР, стараясь увидеть больше, чтобы после большого рассказа интересного о стране, готовящейся стать хэзяйкой XIII Всемирного. И те, кто принимал нас от имени Центрального Комитета Союза социалистической трудовой молодежи Кореи (ССТМК), старались нам в том помочь.

Мы увидели города и села. Мы увидели новое строительство и памятники старины. Мы увидели множество лиц и имели возможность говорить с людьми. Гостеприимство страны — хэзяйки будущего фестиваля нам теперь известно. А несколько публикаций в «Ровеснике» откроют и для тебя, дорогой читатель, эту страну. Но начнем наше путешествие, конечно, с главного адреса фестиваля: Пхеньян, Кванбок.

Сегодня в Кванбоке происходит нечто небывалое. Не увидеть этого — значит не до конца понять замыслы организаторов и главное — те усилия и тот энтузиазм, с которыми вся страна приступила к подготовке встречи молодежи мира.

В Кванбоке — грандиозное строительство.

Радость труда, весны исходила от камней, от мелькающих рук, от лиц... Эти лица были очень знакомы! Но где, когда это уже было нами увидено?

Нет, времена не повторяются, они могут лишь напечтать нам похожую мелодию. Я точно слышу ее! Этот поезд, который бросаются разгружать так дружно. Эти робкие девушки с фанерными чемоданами, выкрашенными синей краской, — девушки, приехавшие на стройку только что, с багажом надежд. Такие растерянные, они спрашивали, неверное, дорогу к начальству. Машина в буре пыли, притормозившая у шагающего человека в кепке. Парни в гимнастерках. Вчерашние солдаты в выцветших на солнце гимнастерках с расстегнутыми не по уставу воротничками...

Так мы пробродили до обеда, когда вдруг стройка, немыслимая без много-голосья и многоликости, вдруг залпом опустела: все сели в автобусы и уехали. А потом вернулись снова! И снова зазвучала музыка энтузиазма.

Горький называл это «симфонией труда», а потом в тексте поправил симфонию на музыку, мне кажется, я понимаю, почему — музыка ведь более величественная вещь...

Нас подвели к стендам, красочно демонстрирующим, каким встретят Кванбок фестивальных гостей. Честно говоря, это трудно было представить въявь. Однако мы к тому дню уже успели убедиться в том, как умеют строить в Корее. И мы поверили: так будет.

Нас принял заведующий сектором международного отдела Корейского Национального подготовительного комитета XIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Пхеньяне Хван Сок Мин. Как можно прокомментировать эти фотографии? Да, разумеется, я готова привести цифры. Но сначала попытаюсь включить звук.

Мы приехали в Кванбок ранним утром по автостраде, чистой и легкой для вождения автомобиля. А воздух был свеж. Может быть, воздух — это одна из достопримечательностей страны?

Кванбок нас оглушил, как явившийся из-за поворота духовой оркестр. Мчались машины, сновали люди, гремела музыка из репродукторов, установленных, казалось, на каждом метре, шел состав с платформами, груженными строительными материалами. Поднималась пыль до самого сверкающего неба.

И поднимались здания, которые, очевидно, начали строиться одновременно, так что сразу же возникло ощущение: они дружно растут все сразу, поднимаются от земли, и конца этому не видать.

Стройка была плотно заполнена людьми. Лица были все молодые. Пак, переводчик, студент университета имени Ким Ир Сена, мечтатель (о нем отдельный рассказ, будет еще время!), сказал:

— Вижу, что здесь работают штурмовые отряды из университета. Смотрите: у всех значки как у меня.

И действительно, значок с изображением товарища Ким Ир Сена и с золотыми веточками внизу был у всех, и у Пака тоже.

Где мы все это видели? Когда, в какие времена?

Нас попросили отойти подальше: сейчас будет произведен взрыв. Мы отошли и издалека увидели, как по всем правилам безопасности вскоре был произведен небольшой взрыв, неотъемлемая часть строительства, которое ведется на неподатливой почве.

Потом мы увидели небольшую горку, которую ровняли с землей дружными усилиями... скольких людей? Трудно подсчитать.

Мы увидели великово множество лозунгов, потом мимо пронеслась агита-

ционная машина с громкоговорителем на крыше.

— Товарищ Хван Сок Мин, примите наши поздравления с тем, что будущий фестиваль состоится в вашей стране. Сегодня мы увидели грандиознейшее строительство в Кванбоке...

— Тогда я не стану описывать вам масштаб и размах его! Хочу лишь подчеркнуть, что грядущий фестиваль несомненно послужит демонстрацией свершившихся чаяний корейского народа, достижений республики. Содержание фестиваля всем известно: антиимпериалистическая солидарность, борьба за мир, дружбу между народами. Но для того чтобы успешно провести все мероприятия этой ясной политической программы, нам, стране-хозяйке, необходимо проделать очень большую практическую работу, создать в первую очередь достойную материальную базу.

— Знаем, насколько это сложно для всякой страны, берущейся за организацию подобного форума молодежи.

— Вот посудите. Общая площадь строительства в Кванбоке — 18 миллионов квадратных метров. Площадь, занятая новыми архитектурными сооружениями, — 4 миллиона квадратных метров. Понятно, что сегодня в Кванбоке направляются крупные капитальные вложения и производительные силы.

— Какие это силы? Сколько человек участвует в строительстве?

— Стройка захватила внимание всего народа. Точную цифру привести попросту невозможно. Многие идут на стройку, отработав смену у своего станка. Студенты направляются в Кванбок после учебы. Между тем большинство строителей находятся в Кванбоке постоянно. Основная форма участия корейской молодежи в строительстве фестивальных объектов — так называемые штурмовые строительные отряды. Их формируют первичные организации ССТМК. Штурмовые отряды — ядро строительства прежде всего потому, что именно их настрой придает столько бодрости и энтузиазма всему строительству.

— Сколько часов в день продолжается строительство?

— Вы снова ставите вопрос, на который трудно ответить точно. Работа начинается ранним утром, но и ночью люди работают: одни отряды сменяются другими. Те, кто работал в дневную смену на заводе или на фабрике, кто учился днем или преподавал, они строят при свете прожекторов. Повторяю: новостройка захватила всех. Это не обязанность, но долг молодого человека. Многие мечтают попасть в Кванбок!

— Что было прежде на месте будущего микрорайона? Я имею в виду еще и следующее: не пострадала ли

АДРЕС ВСЕМИРНОГО ФЕСТИВАЛЯ

природе либо ее достопримечательности, памятники старины в результате реализации проекта Кванбока.

— Понимаю. Наша партия и народ всегда придавали большое значение сохранению природных красот и исторических достопримечательностей. И если бы в результате строительства в Кванбоке под угрозой оказались первозданные красоты или памятники зодчества, проект был бы подвергнут пересмотру. К счастью, этого не потребовалось. Прежде здесь простирались поля и горки.

— Расскажите подробнее, что будет построено для фестиваля.

— Кванбок — это юго-западная часть Пхеньяна. Здесь возводятся спортивная деревня, спортзалы и гостиницы для спортсменов и гостей: в будущем здесь можно будет одновременно проводить, скажем, сорок спортивных и иных мероприятий, состояться по двадцати видам спорта. Также в Кванбоке сейчас возводятся следующие объекты: модернизированный Дворец школьников, новый цирк, молодежная гостиница, гостиница для туристов, а в парковой зоне на острове Янгак — международный кинотеатр. Строительство захватывает и некоторые другие районы столицы. Так, в восточном Пхеньяне будет Молодежный театр и Восточнопхеньянский Большой театр. А кроме того, культурный центр, Дом радио, центр международной связи... По обе стороны шестикилометровой главной магистрали шириной в сто метров...

— Простите, как вы сказали?

— Сто метров. Итак, по обе стороны магистрали в Кванбоке поднимутся разнообразные жилые дома от восьми до сорока двух этажей. Эти дома общей площадью на 25 тысяч квартир потом будут отданы трудящимся. Квартиры хорошие, по три-пять комнат в каждой, большие — от ста до ста восемьдесят квадратных метров.

— На какой срок рассчитано строительство?

— Два года.

— Малый срок!

— Учтите, что одновременно ведется работа по освоению солончаков, строительство Сунчхонского винодельческого объединения и Тхэчхонской электростанции, а также и других объектов.

— Тогда предлагаю вам ненебежный вопрос о средствах для строительства.

— Для краткости скажу, что и здесь не обошлось без участия молодежи, без ее добровольной помощи. В фонд фестиваля отчисляются средства, заработанные во внерабочее время. В каждом месяце первое воскресенье — день ударного труда. Сроки строительства соблюдаются, и мы уверены, что все запроектированное будет построено вовремя. Мы не опоздаем к фестивалю!

— Это очень радостно слышать. Но, конечно, у будущего фестиваля еще масса проблем.

— О, разумеется! Проблема поворов, например. Сколько тонких и странных на наш вкус кухонь они должны изучить досконально!. Полным ходом уже идет создание песен, изготовление плакатов и другой печатной продукции. На всереспубликанских фестивалях художественного творчества мы должны определить лучших — участников будущей фестивальной программы.

— У вашего фестиваля много друзей...

— ...есть и недруги. Узнаю о том, что XIII Всемирный решено провести в столице демократической Кореи, некоторые молодежные организации не дали еще официального согласия на участие в нем. Мы надеемся, что ко времени открытия фестиваля недруги превратятся в друзей. Мы благодарим ВФДМ, проводящую политику агитации за Пхеньянский фестиваль — фестиваль дружбы, солидарности.

— ...а для многих это будет первое знакомство с вашей страной.

— Мы хотим, чтобы ее полюбили все.

— Спасибо.

В результате невиданного строительства на юго-западе столицы появится новый исторический памятник — памятник дружной, всепоглощающей работе, памятник радостному труду.

Это труд тяжелый. Мы видели, как изготавливаются бетонные кирпичи для стройки — руками девушек, при помощи приспособлений, которые принято называть нехитрыми. Мы видели фигурки работающих на большой высоте смельчаков. Мы видели, как копают: втроем. Один работает лопатой, поднимает ком земли, двое других, схватившись за веревки, приязанные к черенку лопаты, подтягивают лопату наверх. Экономия сил, которую тоже можно назвать нехитрой, если бы в слове не крылось ощущение простоты и легкости.

Труд на Фестивальной улице — так коротко разом называют все строящиеся фестивальные объекты — этот труд не легок. Он, принося безусловную радость сопричастности делу, захватившему всю страну, отнимает силы. Да, это молодые силы. Но это порой все силы.

Что в результате остается человека?

Остается судьба, которая начинается на Фестивальной улице.

...Перелезая через груды щебня, наклоняясь в проемы маленькой временной двери, мы прошли в огромный, как ангар, павильон легкоатлетического манежа. Он сейчас особенно огромен: пустой, наполненный гулом. Шла работа где-то под куполом. Монтажники, замерев на фоне разграфлен-

ного арматурой пространства, занимались своим, в песнях — наших! времени первых строк! — воспетым ремеслом.

Девушка в тапках, в зеленом пиджаке, с кистью и баночкой краски в руках стояла у плаката. Я подошла к ней. Пак побежал следом. Пак был более привычен к официальным интервью. И его удивил интерес к не подготовленному отвечать человеку. Не очень, конечно, удивил. Самую малость. Он согласился, что о судьбе рассказывать — нечего готовиться. Он еще раз удивился, когда девушка с готовностью начала рассказывать о себе. Он часто говорил мне прежде, что люди в его стране застенчивы и не любят говорить о своей жизни.

Но жизнь и судьба — вещи различающиеся, разумеется. Они различаются по высоте понятий.

Она из провинции. Сначала училась, потом закончила техникум. О призывае работать на строительстве Кванбока узнала неожиданно для самой себя — в том смысле, что эта весть переменила ее судьбу. Она приехала в Пхеньян. Сначала прошло собеседование, где ее спрашивали, что она еще умеет делать, кроме того что строить, мести, подносить и учиться строительной специальности в процессе строительства (эти умения перечисляли все, все хотели строить, все готовы были мести и подносить, мешать раствор и прочее). Она сказала: ну, разве что рисовать... Немедленно ее направили писать плакаты. Был январь, колодно. Она стала писать в день по пять-шесть плакатов. Каждый плакат должен висеть недолго: чтобы не надоест. Плакат яркий. Он виден издалека. В нем коротко и ясно говорится главное на сегодняшний день, на сегодняшнее утро. Скажем: «Прославим ударным трудом молодости эпоху товарища Ким Чен Ира!»

¹ Секретарь ЦК ТПК (Трудовая партия Кореи), сын Ким Ир Сена. — Прим. авт.

БАРБАРА СТРОИТ МОСТЫ

А. АНИН, фото В. АВЕРЬЯНОВА

«Мы зовут Барбара Макух, — сказала маленькая женщина в сером платье, с аккуратно убранными и стянутыми назад волосами и крупными металлическими раковинами-клипсами на ушах. — Я координатор по молодежным программам Национального совета американо-советской дружбы». Сидя на краю кресла, с прямой спиной, она ждала вопросов. В ней, казалось, не было ничего такого, что принято считать «тиปично американским»: ни оптимистичной улыбки, ни вольности в одежде и жестах, ни дружелюбной готовности к общению. Подбородные губы, закрытое длинное платье, непроницаемое лицо, черные туфли на высоких каблуках — так выглядят строгие учительницы, озабоченные тем, как бы выдержать дистанцию между собой и детьми. Она приехала в Москву вести переговоры с Комитетом молодежных организаций. Разговор еще не начался, а она уже деловито и с намеком взглянула на часы, как бы говоря тем самым, что на длинную и обстоятельную беседу рассчитывать нечего. И это отношение к интервью как к чему-то неважному, что можно сделать мимоходом, тоже противоречило образу «типичного американского политика», который, как известно, прессу ценит и от контактов с ней не бежит.

Национальный совет американо-советской дружбы возник в 1943 году. Его основали американцы, которые хотели приблизить победу и содействовать отношениям дружбы между

США и СССР. Эти люди проводили сбор средств в пользу Красной Армии и организовывали антифашистские митинги с участием советских представителей. Это была общественная, никак не субсидируемая правительством организация, существовавшая только за счет энергии и активности граждан. Бюджет у совета всегда был невелик. Освобожденных функционеров мало. Сегодня это директор и четыре сотрудника. Сколько у совета членов? «Не знаю! — пожале плачами Барбара Макух. — Учата членов мы не ведем. Мы считаем это ненужным». Ненужным, потому что совет ни перед кем не отчитывается за расширение своих рядов. Совет не настаивает и на жестком, постоянном членстве. Из всей череды организуемых советом обсуждений, дискуссий, лекций, встреч, поездок и «круглых столов» каждый желающий может выбрать то, что ему по душе, и участвовать в роли организатора, оператора или зрителя. Ни форму, в какой человек проявит свою активность, ни частоту, с какой надо эту активность проявлять, совет не считает себя вправе навязывать. В головах директора и четырех его сотрудников прочно сидит мысль о том, что не люди для организации, а организация для людей. Стоит им чуть забыться и попробовать навязать что-то, публика от них отшатнется.

После войны, в пятидесятые годы, для совета американо-советской дружбы начались тяжелые времена. Это были годы маккартизма, когда симпатия к СССР была чревата серьезны-

ми неприятностями. В семидесятые — в годы разрядки — в общественном сознании стала укрепляться идея мирного существования — как реакция на водородную бомбу, которая, нависнув над темечком у человечества, одним своим присутствием будила мысль о том, что есть вещи поважнее, чем борьба за сферы влияния. Эти вещи — жизнь, мир. Социологические опросы, проведенные в США в начале восьмидесятых, показали, что страх перед ядерной войной стал одним из основных побудительных мотивов для общественно-политической деятельности. Особенно это относится к молодежи. В январе 1983 года 40 процентов молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет считали, что возможность начала ядерной мировой войны в ближайшие десять лет превышает 50 процентов. При этом лишь 3,4 процента студентов (опрос начала 1984 года) полагали, что хорошая гражданская оборона поможет обеспечить выживание более чем половины страны. Остальные на гражданскую оборону не надеялись и полагали, что надо что-то делать для того, чтобы войны не было. Национальный совет американо-советской дружбы давал им такую возможность и при этом никак не ограничивал в выборе способов и форм: от поездки в СССР до встреч с советскими людьми, приехавшими в США, от участия в крупной международной межкультурской конференции до беседы в небольшом кругу о проблемах разоружения — все возможно...

«Специально молодежные програм-

ЗНАКОМЬТЕСЬ: МОЛОДЕЖНЫЙ ЛИДЕР ЗА РУБЕЖОМ

мы совет начал создавать недавно,— сказала Барбара Макух.— Молодежь восьмидесятых все отчетливее понимает, что этот мир — ее мир. И что опасность велика для всех. Чернобыль еще раз подтвердил это...— Она сделала паузу, чтобы я мог записать, и глянула мне в лицо своими карими серьезными глазами, как бы проверяя, хорошо ли я понял.— Сейчас мы ежегодно посылаем 12 детей в «Артек», а также студентов с ознакомительными поездками. Мы хотели бы расширить обмены. Мы ведем об этом переговоры. Я думаю, нам это удастся. Встреча руководителей наших стран даст новый импульс американо-советской дружбе...»

Сама она пришла в совет в шестидесятые годы. Работа в совете была для Барбары Макух как бы продолжением всего того, чем она жила в шестидесятые в Буффало, где она окончила колледж. «Шестидесятые — это было очень насыщенное время. Вьетнам был объединяющим фактором. Многие мои друзья прошли через Вьетнам. Мы протестовали против войны, проводили демонстрации. Тогда это был протест против той, конкретной войны... В семидесятые мы стали подниматься до протеста против войны вообще, против войны как средства решения конфликтов. Но мир — это не просто отсутствие войны, это еще и развитие связей между людьми, это передавая информация друг о друге. Наш совет распространяет информацию о том, что происходит у вас в стране, для тех, чей интерес не могут удовлетворить газеты. Мы поддерживаем контакты с вашим посольством...»

То, чем она и ее друзья занимались в шестидесятые, — это был протест в чистом виде, протест, не имеющий положительной программы. Важно было быть против — против войны во Вьетнаме, против регистрации военнообязанных, против правых политиков. Эта атмосфера создавала определенный тип молодежного лидера — горячего уличного вожака, каким был Кон-Бендит в Европе и Джерри Рубин¹ в Америке. Лидеры такого типа были импульсивны до крайности, умели увлечь людей, подобно хорошей рок-группе, но при этом и оставали быстро, и легко переходили от лихорадочной активности к унылому отчаянию. Они готовы были получать побои в столкновении с полицией, но при этом могли на выйти на демонстрацию из-за плохой погоды. Этот тип яркого,

¹ Даниэль Кон-Бендит, Джерри Рубин — студенческие лидеры конца шестидесятых годов. В семидесятые от политики отошли.— Прим. ред.

как какаду, склонного все время быть в центре внимания лидера кончился вместе с временем, которое его породило. Восьмидесятые потребовали иного подхода к делу. Быть против оказалось мало. Надо было суметь быть за — за что-то положительное, умное, хорошее. И суметь создавать это кропотливым, негромким трудом, рассчитанным надолго. Барбара Макух нашла свое место в Национальном совете американо-советской дружбы. Строить мосты и мостики между двумя сверхдержавами — это работа казалась и кажется ей достойной того, чтобы не жалеть сил. Она, окончив колледж, два года проучилась в университете, вышла замуж, родила дочь и по своему социальному положению сегодня является тем, что мы называем «домохозяйкой». Деньги зарабатывает муж. У нее же дело — то, что она делает в совете. Как относятся к ее неоплачиваемой работе муж, дочь, которой уже четырнадцать? Но тут она — строгая, деловая, все время поглядывающая на свои электронные часы — пресекает все попытки расспросить поподробнее. («Не надо об этом писать. Это не относится к делу. Если я тебе что-то говорю об этом, то только для того, чтобы ты понял, кто я. Писать об этом не надо», — говорит Барбара на своем беглом русском. «Ты» здесь не показатель близости между собеседниками, а простой перенос из английского, где, как известно, что «ты», что «ты» — одно). Итак, пропускаем дальнейшие подробности личной жизни Барбары Макух и возвращаемся к Национальному совету американо-советской дружбы. Барбара работает в совете безвозмездно и много. «В чем моя работа? Это трудно объяснить. У вас для всего есть отвалы. У нас почти все делаю я». Что все? «Приезжают ваши люди к нам. Я организовываю им встречи. Я же провожу экскурсию по Буффало — я немножко и гид. Они не очень хорошо знают английский — я перевожу им. Я устраиваю «круглый стол» — в советском посольстве получаю материалы, приглашаю людей, оповещаю другие организации, которым было бы интересно принять участие. Или: совет посыпает студентов в СССР. Это только кажется просто — послать студентов в СССР. Я по ночам (разница во времени) звоню в Москву, обговариваю сроки, программу... Делаю все, что нужно», — сухо сказала она. Казалось, она не видит смысла долго говорить об этом — и долго говорить вообще. Если и было в ней что-то, соответствующее расхожему образу «типичного американца», то это непробиваемая и непроницаемая деловитость.

Кто же она, Барбара Макух? Как определить ее положение в Национальном совете американо-советской дружбы? Политический лидер, работающий во имя высокой цели? Экскур-

совод? Переводчик? Организатор? Секретарша? Или кто-то еще?

Дружба между народами — красный лозунг, который мы повторяем год за годом с ритуальной настойчивостью, как будто надеясь, что эти слова сами по себе способны изменить полный враждебности мир. Но что же выходит? Вот я, автор, сижу в Москве, а какие-нибудь Джек Томпсон или Билл Уилсон сидят в Вашингтоне, и все мы твердим о дружбе между нами, но плохо представляем, как ее осуществить... Это хорошо, что мы с Джеком и Биллом говорим слова дружбы — они несравненно лучше слов вражды. Но надо ведь слова превратить в дела! Надо, чтобы нашелся кто-то, кто смог бы организовать нашу дружбу! Этот кто-то не должен приковывать к себе слишком много внимания, слишком много требовать от нас или делать вид, что во всем этом деле главный он. Нет, он только посредник, помощник, координатор. Он должен похлопотать и все подготовить: номера в отеле, транспорт, помещение для встречи, бутерброды, банки с пепси-колой... Пустяки! Для наших людей, прибывающих в Америку, так же как для американцев, прибывающих к нам, эти пустяки складываются в ощущение от страны. Контакты должны быть удобными и четко организованными (что не значит — липовыми, когда вместо настоящего общения подсовывается суррогат из заранее заготовленных выступлений, произносимых заранее подготовленными людьми). А это невозможно, если кто-то не заботится о том, чтобы все шло гладко и хорошо. Дела, которыми приходится заниматься Барбаре Макух, часто выглядят несколько анекдотично — поэтому, может, она избегала вдаваться в конкретные подробности. Но надо помнить, что человек за границей в некотором смысле превращается в ребенка. Он полон радостного любопытства, все хочет видеть и знать и при этом способен попасть в самое идиотское положение. На конгрессе в Чатокуа один из наших делегатов потерял чемодан. Барбара Макух потратила день, чтобы найти пропажу. Ничего особенного, конечно, в этом нет. Но способны ли вы искренне рассуждать о дружбе между народами в тот момент, когда ваш чемодан со всеми вещами, кажется, безвозвратно уплывает в неведомую даль?

«без пяти пять», — сказала Барбара Макух, в очередной раз взглянув на часы. «Ты торопишься?» — «Да. Мне надо идти узнавать насчет обратных авиабилетов», — сказала она. Она говорила не только о себе — здесь, в Москве, на попечении была группа американцев, чья поездка сюда была организована Национальным советом американо-советской дружбы. Она шла по холлу гостиницы «Юность», и каблуки ее туфель стучали с деловой четкостью. Походка у нее была очень энергичная, как у человека, на каждом шагу помнящего, куда, зачем и во имя чего он идет.

пония, экономическому благополучию которой дружно завидовали все западные дельцы, начинает испытывать на себе беды, давно одолевающие Запад: сокращены тысячи рабочих мест в металлургической, текстильной и судостроительной промышленности. На глазах рушится идеал, который японские предприниматели искусно внушали трудящимся: мы одна семья! Вы должны верить нам и полагаться на нас, отдавая себя без остатка нашему общему делу. А наше дело — гарантировать каждому труженику пожизненную занятость и обеспеченную старость.

И вдруг, но так ли уж вдруг, в Японии безработица, а от гарантий — ни следа.

Если в число безработных включить и тех, кто занят всего час в неделю, сегодня уровень безработицы превысит 5 процентов всей рабочей силы, хотя официальная статистика по понятным причинам упорно придерживается другой цифры: всего-то, мол, 3,2 процента. Однако прогнозы, предсказывающие сокращение в течение года еще от 240 до 300 тысяч рабочих мест, сводят на нет эту уловку успокоить обманутых. Жертвы, стоящие за статистическими данными, — это прежде всего те самые верноподданные и усердные японцы, которые поверили в «единую семью» предпринимателей и трудящихся. Брошенные теперь на произвол судьбы, сбитые с толку предательством компаний, с которыми согласно японской традиции они навеки связали свои судьбы, безработные в полной мере испытывают на себе злодейство и коварство предпринимателей.

До недавнего времени традиция не нарушалась: в периоды экономического спада предприниматели старались не увольнять преданных рабочих, переводили их на родственные или дочерние предприятия. Такие «переводы» хотя и вызывали недовольство, поскольку рабочим приходилось покидать насиженные места, соглашаться на меньшие зарплаты и мириться с весьма смутными перспективами, но тем не менее крупные фирмы все-таки выполняли обязательства обеспечивать работой своих служащих. Однако сегодня острота экономического кризиса вынуждает японских предпринимателей к жестокости.

«Увольнение» в Японии позорный термин, поэтому компании предпочитают пользоваться другим — «освобождение по собственному желанию». Профсоюз подает в дирекцию компании письменный протест против увольнения, но это всего лишь формальность, после которой ведутся переговоры о сумме компенсации для уволенного. Японцу, долгие годы жертвовавшему во имя процветания фирмы семейной жизнью, досугом и отпусками, такой внезапный разрыв, утрату взаимных связей пережить неминуемо трудно. Стыд смешивается с разочарованием и обидой. Если вы скажете в Японии: «Я безработный», никто не поверит, что вас уволили просто так, вас заподозрят в чем-то дурном или постыдном, поэтому вы говорите: «Я решил немного отдохнуть», или «Я жду назначения», — объясняют японцы и цитируют поговорку: «Самурай делает вид, будто ковыряет в зубах, даже если во рту у него не было маковой росинки и он умирает с голоду».

Мне рассказывали, как сорокасемилетний японец, неожиданно потерявший работу заведующего отделом, каждое утро в 7.30 отправлялся «на службу» тщательно одетый в костюм и при галстуке, чтобы «соседи ничего не узнали». Весь день он гулял по городу, но в итоге его дети заподозрили неладное, так как он стал возвращаться домой в 6.30 вечера вместо полуночи, как обычно.

Зато правительству отношение к безработным, как к парижам, выгодно: оно заинтересовано в дешевизне и мобильности рабочей силы. Выплата пособия по безработице прекращается через 300 дней (в районах, особенно сильно пораженных депрессией, — через 360), после чего человек

ЗАКАТ НА

● КРАХ МИФА О

«ЕДИНОЙ СЕМЬЕ»

● КОГДА ЯПОНЕЦ

«РЕШАЕТ НЕМНОГО

ОТДОХНУТЬ» ● ЧТОБЫ

СОСЕДИ НИЧЕГО

НЕ УЗНАЛИ

ВОСТОКЕ

Питер МАКГИЛЛ,
английский журналист

● 19 СЧАСТЛИВЧИКОВ

ИЗ 100 ● НЫНЧЕ НЕ ДО

БЛАГОРОДНЫХ ЖЕСТОВ

● КТО ОКАЗЫВАЕТСЯ

В ВЫИГРЫШЕ ● КАК

ИЗБЕЖАТЬ ЗАНЕСЕННОГО

НАД ВСЕМИ ТОПОРАI ●

остается без всяких средств к существованию. Он вынужден ездить по городам в поисках новой работы, часто неквалифицированной и низкооплачиваемой, так как по истечении определенного срока его прежняя квалификация автоматически аннулируется.

В результате такого «подсаживания на велосипед» потоки беженцев покидают Иниосиму, островок у западного побережья. С того момента как местная компания «Хитачи дзосэн», одна из крупнейших судостроительных верфей в мире, начала сокращать производство, население острова сократилось более чем на 2300 человек. У безработного на Иниосиме всего 5 процентов шанса найти работу — самый низкий показатель в Японии.

Вот обычное зрелище на верфях Иниосимы: трое бывших сварщиков стоят в воде — теперь с рыбачьими сетями в руках вместо автогенов. В тени брезентового навеса на дне контейнера — рыба, мужчины вспарывают ее, вычищают внутренности и отправляют товар на рынок.

Министерство труда в Токио заявляет, будто рабочим, оказавшимся лишними в крупных японских компаниях, всегда предлагают подходящую работу в другом месте. Эндин Като, однако, рассказывает, какой шок он испытал, когда его попросту «освободили по собственному желанию» после 16 лет работы на оружейном заводе компании «Джапан стиля» в городе Муроран на юге острова Хоккайдо. Сокращения на заводе начались, когда его переделяли в нефтеперегонный, и подобно многим своим коллегам, на время реорганизации производства Като пришлось оставить семью и работать в Йокогаме на заводе видеокассет, куда фирма пристроила свою излишнюю рабочую силу. «Когда же реорганизация закончилась и я вернулся домой, меня уволили».

Като — один из 280 уволенных с завода из общего штата в 450 человек. Когда в городе на 19 открывшихся вакансий подается 100 заявлений, человеку, которому за сорок и хатому же с невысокой квалификацией, получить работу несложно. Представитель «Джапан стиля» уверяет, что его фирме «пыталась обеспечить занятость своих служащих, устраивала их в другие компании, заботясь об их переквалификации, однако экономические трудности вынудили отказаться от этого благородного жеста», — заявил он в унынии. — Кругом все разваливается.

Дирекция и лидеры профсоюза конкурирующей фирмы «Ниппон стиля», также расположенной в Муроране, подобные заявления считают опасным пораженчеством. Чтобы рассеять нарастающее смятение, профсоюз собрал массовый митинг. Яркие транспаранты призывали «пробиться сквозь барьер кризиса и защитить японскую сталелитейную промышленность». Когда в зале погасли огни и наступила почтительная тишина, пятитысячной аудитории продемонстрировали слайды, прослеживающие славную историю компании. Потом — череда бодрых речей, в которых ораторы старались не упоминать о грядущих увольнениях и в фирме «Ниппон стиля». Наконец на трибуну поднялся профсоюзный босс Кийоси Ионата. Упоминание о «самопожертвовании и неизбежной реальности», требующей закрытия ультрасовременной домны, а значит, и увольнения множества рабочих, было встречено без энтузиазма. «Мы находимся в одной лодке и должны спастись все вместе. В нас бьется одно сердце, и, объединившись, мы сделаем Муроран процветающим». Пять тысяч сжатых кулаков взметнулись вверх, демонстрируя солидарность с оратором. Но никто из них не был уверен, что избежит занесенного над всеми топора.

Перевел с английского Андрей ГРАЧЕВ

В

лицех этих ребят учили не лениться. У каждого есть шанс хорошо устроиться в жизни, говорили им, нужно только не складывать руки. Любой труд убеждал их, в конце концов приносит свои плоды... Выйдя за порог родного лицея, они, как и предполагала внушенная им мораль, испытывали чувство стыда перед друзьями, соседями за то, что они, пусть и не по своей вине, нигде не работают.

Но вот государство, продолжая свою заботу о молодежи, опасаясь, что вынужденное безделье развернется будущую смену, предложило им выход из тупиковой ситуации — так называемые общественно полезные работы. В материале речь пойдет о стажерах Парижского метро, хотя они есть почти на каждом французском предприятии.

Что они делают? Ничего. В этом вы убедитесь, прочитав материал. Вчерашие школьники окрестили программу «общественно полезных работ» «общественно бесполезной». За что же тогда платят им небольшие, но все же деньги, ведь капиталисты, известно, не бросают денег на ветер! Платят им за то, что они учатся быть просто терпеливыми. Видимо, нетерпение молодости может обойтись куда дороже.

РАЗВРАЩЕНИЕ “ТРУДОМ”

Жан СЮР,
французский
журналист

Разрешение на встречу со стажерами метро мне дали быстро. Не то что на других предприятиях, где, узнав, что я журналист, мне объясняли: с какой это статьи мне станут разрешать входить в контакт с ребятами, которые о том совсем не просят. Это было бы покушением на их свободу. Парижское метро, видимо, убеждено, что ему есть что показать прессе.

Для тысячи трехсот молодых французов, попавших на стажировку в метро, система общественно полезных работ — шанс устроиться на работу. Так мне объяснили. Берут их на год, платят третью часть официального минимума месячной зарплаты, работают они по пол дня. Всем, и в том числе самим стажерам, известно, что пройдет год, и 80 процентов из них не удастся поступить на работу. Доехав до конечной станции, они направляются на биржу труда. Возможно, именно поэтому до 65 процентов кандидатов так и не начинают стажироваться. А ребята из отдаленных департаментов Франции отступают перед стоимостью проезда до Парижа: для них стажировка в метро слишком дорогое удовольствие.

Чиновники, с которыми я встретился в роскошном здании возле Лионского вокзала, свое дело знают. Им известно, что предприятие должно быть рентабельным, именно под этим углом зрения они рассуждают о своих стажерах. Дело в том, что некоторым из них — ну, не более чем сотне — не удалось совместить рентабельность и приятную жизнь. Речь идет о тех, кого расставляли вдоль платформ Стадионом помогать пассажирам благородно попадать в вагоны.

— Толкачи, как в Японии? (В Японии в часы «пика» специальные служащие заталкивают в переполненные вагоны пассажиров.—Ред.)

— Всё нет. Наши стажеры не носят белых перчаток и никого не толкают.

Случается, какой-нибудь шутник или злоумышленник дернет стоп-кран. Поезд может из-за этого сильно задержаться, так как машинисту приходится пробежать его из конца в конец. Тогда и приходит черед для умелого и решительного вмешательства стажеров: они приводят в порядок сигналы тревоги и помогают составу наверстать потерянное время. «К несчастью, — продолжают чиновники, — присутствие стажеров обирает у пассажиров много шутить». Всегда спокойны, ребята скучают, все дело под угрозой.

Но до чего любезны питомцы метро! Я пробыл несколько минут в помещении, где свежее пополнение получает первые инструкции. Новички подтянуты к собраниям. Наверное, принадлежность к столь солидной организации придает им важности.

— Я согласен с месье, — говорит юноша 21 года, указывая на своего одногодку, — Я счастлив, что проведу здесь год, приобрету здесь знания.

Он говорит мне, что женат, имеет ребенка. Ни диплома, ни практического опыта работы у него нет. Он смотрит на меня косо, когда я очень осторожно спрашиваю, возьмут ли его потом на работу. Ведь, как ему известно... По его виду я понимаю, что для сомнений причин нет. Тогда я заговариваю с другим месье, которому тоже 21 год, жена, ребенок — и ни диплома, ни опыта. Я замечаю, что в дополнение к профессиональной подготовке, которую ему здесь, безусловно, дадут, ему может быть, пошло бы на пользу и дальнейшее общее образование.

— Что бы вы хотели изучить?

И получаю ответ — величественный и трагический, жуткий и восхитительный:

Франция

— Я умею читать, умею писать, чего же вы еще хотите?

Пауза. Он поправляет галстук.

— Главное — это фирма.

Он взирает на меня чиновничим взглядом. Он будет чиновником — нет, он уже стал им, в его голосе слышится забота об общественной пользе. Он менеджер, он разобрался со мной.

— С общим образованием покончено. Вернемся к этому вопросу позднее.

Блуждание в потемках? Самозащита? Один из стажеров берет быка за рога. Все очень просто. Хозяева не привыкли доверять молодым, они считают, что те ни на что не способны. Это заблуждение, но молодежь так часто сама создает о себе плохое впечатление, что их можно понять... Достаточно создать хорошее впечатление. Он и его товарищи этим займутся.

Невыносимо.

— 80 процентов из вас, — говорю я, — не попадут на работу в метро. Вам это известно?

— Да, — бормочет один.

— Не слыхал об этом, — парирует другой.

Спустя несколько дней начинаются серьезные дела. Ответственная за стажеров молодая женщина-инженер, легко идущая на контакт и свято верящая в пользу общественно полезных работ, пускает меня на командный пункт, развернутый на станции метро Длинная беседа помогает мне лучше проникнуться тонкостями операции, за которой мне предстоит наблюдать. Стажеры — ее дети, ее питомцы. В ее описании они предстают младенцами, сначала горячими энтузиазмом, затем попадающими под холодный душ реальности, но на теряющими настойчивости. Народ не слишком ученый, подготовлены слабо, пишут по принципу «как слышится». По всему видно, как она привязана к ним.

— Вы с ними часто видитесь?

— Не слишком. Я для них начальство, их это смущает.

Подпись «юда» — большая привилегия. Преимущество имеют дети служащих метро и лица, официально зарегистрированные как ищущие работу. В общей сложности стажеры заняты на трех участках: «акамуфлированные толкачи» — их портрет я уже набросал, небольшое количество дежурных, готовых оказать помощь инвалидам, и те, которым полагается постоянно находиться на станции — таких больше всего. Устрашение хулиганов им в обязательном порядке, если, конечно, они попадут им возможно, ретироваться и поднять тревогу. Но умудренные опытом психологи, неопровергнуто доказали, что молодые люди в куртках без рукавов, на спинках которых красуется медаль «Метромюниоры», — фактор безопасности для пассажиров.

Послушать мою собеседницу — до чего полезной предстает стажировка! Чему тут только не учят! Во-первых, стажеров готовят к профессиональной деятельности, то есть к соблюдению дисциплины и субординации. Для того

чтобы привить им дух коллективизма, состав бригады (в каждой — по три человека) без колебаний меняют раз в месяц. Но этими добродетелями дело не ограничивается. Стажеров ставят перед лицом экономических и деловых реальностей, обучая принципу «клиент всегда прав». Моя собеседница считает, что ее питомцы еще дети. Им предстоит осознать, что в жизни приходится драться. Она воодушевляется. Разве не идет у нас экономическая война? А на войне так: либо погибнуть самому, либо... Окончание фразы застревает у нее в горле. «Либо оказаться лучше других, либо погибнуть», — поправляется она. Если присмотреться, то год стажировки — великолепная возможность усвоить, до чего это гибкая вещь — трудоустройство. Ведь философия — вот именно, философия! — всего этого дела состоит в том, чтобы помочь молодым прочувствовать реальности окружающего их мира.

Я не осмелился предложить поднять для этого стажеров из подземелья на открытый воздух. Вокруг нее вьются бравые парни из метро, выделенные ей на подмогу, они глядят на нее с изумлением. Им не верится, что метро подвластны такие высоты. Если меня одолевает скептицизм, тем хуже для меня. «Всё нет,— настаивает эта прорицая из подземного тоннеля,— ребята не отвергают все оптом». И кстати, я увижу это своими глазами. Конечно, она признает, что не все так просто. Ей есть из-за чего беспокоиться. Через год для кого-то разразится драма. Но стоит ли из-за этого сидеть сложа руки? И потом, у нее на душе тяжесть из-за более серьезных происшествий. Не верится? Конечно, их не так много, но все-таки бывает, это точно проверено. Тишина — только тишина! — некоторые фанкеры передают своим приятелям, не имеющим отношения к метро, свои пропуска для бесплатного прохода. Вы улыбаетесь? Может, вы не расслышали? Они передают пропуска. Служебные. Иначе чашу надо испить до дна! некоторые из них курят «Фаги». Это уже слишком. Смею надеяться, она заметила мой сочувственный взгляд. Увы, как педагогам, знакомы неудачи. Ладно, выше головы! Побудившее мужество, впереди — многое неизвестное.

Меня приставили к трем стажерам. На них пузырятся куртки без рукавов. Парень и две девушки Для подготовки экспедиции, выделяются расчищенным по-такому: слева стол на командном пункте. На самом деле в группе четыре человека: одну из девушек сопровождает младшая фея-страх в изнанательных целях и развлечения ради.

«Какие-хорошие, просто замечательные ребята!» Коринн Закончила профессионально-технический лицей, имеет квалификацию счетоводку «б» месяца без работы. Эли не «дотянул» до электрика, и его за плечами — шестимесячный безработица. Наименьшее, чем утрутили — Натали, самой титулованной, кроме квалификации счетово-

да, у нее еще диплом по информатике

Мы направляемся к исходному ру-
бажу — станции «Кэ де ля Гар». Но
меня мучает совесть. Мне стыдно, что я
промолчал. Нам предстояло пройти
в тот день не меньше полутора-
станиционных дверей. Признаюсь, я да-
леко не сразу заметил, что происходит
нечто ужасное: та сестренка оказалась
мошенницей. Она проникает на стан-
цию, прилипнув, как пиявка, к старшей
сестре, продвигаясь за ней прыгающи-
ми шажками. Так будет на станции «Кэ
де ля Гар», на «Шевальрэ», «Насьональ»
и, конечно, «Плас д'Итали». Только там
меня уже не окажется. Этим запозда-
лым признанием я хочу вымолить себе
прощение. Ну и мошенница эта сест-
ренка!

Все начинается на «Кэ де ля Гар». Коринн, наша старшая, держит расписанный по минутам путевой лист с названиями станций, на которых нам предстоит побывать. «Четыре — восхищенно присвистывает она.— Как много сегодня!» Ей неизвестно, что список расширен в мою честь. Нас слишком долго представляли друг другу, и теперь мы опаздываем. К месту мы прибыли только в 16.25. И сразу занимаем боевой порядок. Впереди шествует Коринн, за ней — Эли, третьим номером — Натали. Я замыкаю шествие. Сестренки жуют жвачку, но от нас не отстает. Сначала мы подходим к начальнику станции. Он внимательно изучает протянутый ему листок и ставит на нем свою подпись. Затем мы, не теряя времени, переходим к делу. Мы медленно продвигаемся вдоль платформы, от которой отходят поезда в сторону «Насьон». Нам нужно быть очень внимательными и мы выстраиваемся в цепь. «Нашла!» — кричит Натали. Да, действительно. На склоне шкафа. Нарисовано. Ладно, не важно. Коринн торжественно вынимает блокнот и записывает: «Станция «Кэ де ля Гар», граффити на склоне щита». До меня доходит смысл происходящего. «А вон еще! — кричу я припыхиваясь от волнения голосом. Моя спутница переглядывается. Их подсунули зеленого новичка, замечено мной. Искусство красуется на рекламной афише и регистрация не подлежит. У нас должна болеть голова, только за мгновение в стены самого метро. Мы медленно промежуточно проходим по платформе. Коринн внезапно останавливается, мы окружаем ее. Она наклоняется над фонарным столбом. Становятся обмениваются взглядами. Согласны, кивки. Вот это да: огнетушитель не на боевом взводе!

Воодушевленные первым успехом, мы повторяли ту же операцию на противоположной платформе, поезд с которой следуют к станции «Этуаль». Всё еще одно граффити с именем Ло Паном (глава ультраправой партии «Национальный фронт», — Ред.) обещают обойти так, что я не могу здесь это воспроизвести. HQ передо мной — профессионалы и интересует только работа. Да Гэма поминают на стенах деревянного «сообщения», посреди

платформы. Коринн консультируется с коллегами. «Будем отмечать?» Натали голосует против, Эли — за. Старшая делает раздраженный жест: «Конечно, нет, — говорит она, — зачем, раз сарай уберут?»

16.30. На «Кэ де ля Гар» царит спокойствие. Мы стоим у края платформы. Подходит поезд. Я направляюсь к двери.

— Что вы делаете? — спрашивает Коринн.

— Разве мы не едем на следую-
щую?

— Не сейчас. В пятьдесят

— Но здесь мы уже все сделали...

— У нас путевой лист.

Мы простояли 40 минут. Я не посмела ничего сказать после того, как мне объяснили, что присесть мы не имеем права.

— Вы можете курить. Нам нельзя. Я пытаюсь их растормошить.

— Вы, конечно, передадите эту информацию начальнику станции?

— Нет смысла, он и так знает.

— Так зачем вы все это записываете?

Такая глупость непростительна даже для тех, кто не проходит стажировку и сгибается под тяжестью возраста. Они переглядываются. Натали вопрошают с тонкой иронией:

— А как служащий, наблюдающий за нами, сможет проверить нашу работу, если мы не будем ничего записывать?

Я кусаю губы от стыда. Переминяясь с ноги на ногу и уставившись на рекламу какого-то эротического фильма, мы ждем 17.10. Затем садимся в поезд и доехаем до станции «Шевальрэ», на которой нам предстоит оставаться до 17.50. Подпись, одна платформа, другая, огнетушитель, граффити, 35 минут ожидания. Потом — «Насьональ». Там начинаются грезы: следующим пунктом нашей программы значится большая станция «Порт д'Италки» — там пересадка, эскалаторы и тому подобное. Уж там стажеры развернутся! «Однажды, — поведала Коринн, — мы помогли dame вывезти коляску. Но той же станции они подходят к пассажирам, изучающим схему, чтобы помочь им в ней разобраться, и слышат в ответ: «Вы думаете, я сам не вижу?» Они страдают — и учатся терпению.

Но на «Плас д'Италия» меня уже не было я сбежал, вскочив в первый же поезд. Мой спутник проводил меня воздушными поцелуями, сняв с меня вину за бегство. Слишком велик был соблазн сбежать. И, главное, я как раз перед этим спросил у той самой сестренки, хотелось бы ей стать в один прекрасный день стажером, и ответ школьницы сразу подвел (наилучший) итог этому полному приключений дню.

Сестренка слегка недула щеки —
сперва правую, потом левую, и затра-
ченного на это времени вполне хвати-
ла ей, чтобы выдать подмую мюенсову
фразу

— Надеюсь, что нет.

ОТКРЫВАТЕЛИ ИЗБРАННЫЙ

Стефан ПРОДЕВ,
болгарский публицист

Они шли первыми — самые лучшие, самые смелые, первооткрыватели...

В дальние путешествия отправлялись идеалисты. Они покидали берега Европы, чтобы кануть в неизвестность, открыть какую-нибудь новую Аркадию¹ или какой-то новый ад. Забравшись в свои лодки и вооружившись дневниками, они продвигались по Земле и оставляли свои имена на ее морях и в ее джунглях, на высочанших пиках Истории. Обычно Старый Свет не думал о них, а они не очень-то страдали от этого, потому что открывали новые миры, видели, что понятия силы и красоты не исчерпываются дворцами Венеции или замками Англии. На получившие за это никакого вознаграждения от своих правителей, они возвращались богаче всех, переполненные воспоминаниями, нагруженные коллекциями и новыми географическими картами. Из их рук Европа получала новые замки и новые пути, новые идеи и новые кулинарные волшебства. Марко Поло привез ей богатства Востока; с именем Магеллана связано подтверждение о том, что Земля — это шар; Колумб открыл целый континент; Кук — сотни островов, архипелагов, морей; Лаперуз — проливы; Браун — сердце Африки... Это были люди мечты и высоких

идеалов, мужчины, заряженные безумием Одиссея, желающие служить правде и науке. Никто из них не отправлялся в путь с единственной целью грабить или убивать, навязывать кому-то своего бога или свой образ мыслей. Никто из них не жаждал завладеть золотом инков или слоновой костью Конго и потому не попадал под ураган отравленных стрел. Нет! Грязная работа оставалась другим. Их же главной целью было открытие мира, познание его, превращение человека в истинного хозяина земного космоса...

Вначале обывательская Европа полнилась анекдотами об их мечтах и планах, жажде поиска, открытий, новых знаний. Она наблюдала за ними больше с насмешкой, чем с надеждой. Для нее эти подвижники были какими-то безумцами, говорившими на площадях Генуи и Лиссабона, что земля и вода бескрайни, авантюристами, пытавшимися оспорить верность карт Птолемея и даже Меркатора². Но время насмешек быстро прошло, и Европа осознала свою ошибку. Христофор Колумб еще находился в тюрьме³, когда на путях, по которым прошли первооткрыватели, стали вершиться судьбы ее развития.

Каждый из этих путейвел Европу и новому миру, к мосту, где смыкаются фантастика и действительность, где человек и природа живут в полнейшей гармонии. Пути Васко да Гамы привели европейцев в Индию, дороги Уоллиса — к кокосовым пальмам Таити; пути Бугенвилля — к пастбищам Австралии; пути Гумбольдта — к золотым городам Мексики и островам Карибского моря. Смех уже выглядел неприличным, потому что корабли возвращались наполненные самыми невероятными товарами, потому что, как писал Цвейг, зерна черного перца и кора корицы затмили валютную цену золота. Интерес брал верх, и европейский обыватель уже боялся опоздать. Он раскрывал географические карты, покупал корабли, наполнял бочки водой и отправлялся в путь. Следуя за безумцами по волнам океанов, он шел по их следам и маршрутам — в Индию и Новую Голландию, в Мексику и Эфиопию — к пряностям

и золотым памятникам. Неизвестность его больше не страшила, потому что выгода была налицо

Так вслед за идеалистами в дорогу собирались авантюристы и спекулянты. Разбойники.

Кортес, Писарро, Бальбоа, Алонсо де Охеда, Алмейда, Албукерки⁴.

В путь отправлялись люди, которых называли «десперадос»⁵. Они уходили под различными флагами и в различного покрова плащах, но с каждой разбогатеть. В отличие от первооткрывателей у них не было никаких идей или идеалов. У них были планы. И на этот раз Европа не насмехалась над ними, а славила их:сыпало деньгами и титулами, раздавала чины и гербы. Это происходило потому, что эти люди не открывали ей мир, а захватывали его.

Их глаза не восхищала фантазия экзотической природы или культурных памятников неизвестных народов. Это были глаза волков или, точнее, палачей, не питавших никакого уважения к красоте. За каждым из таких «десперадос» стоял какой-то европейский монарх — Фердинанд Кастильский или Георг III, дававшие им свое одобрение и благословение. Вот почему «десперадос» ничего не смущало, и они накладывали свою лапу на целые острова и континенты. Одно-единственное слово имело власть над ними — «золото». Гонимые легендой о золотой стране «Эльдорадо», они были готовы на все: проходили тысячами километров, уничтожали племена и народы, разрушали цивилизации.

Ради золота и только ради золота Кортес завоевал Центральную Америку; Писарро испепелил величественную культуру инков; Албукерки уничтожил самую большую в мире гавань — Малакка; Бальбоа вырезал племя, жившее на побережье Дарренского залива. Ради золота и только ради золота эти мрачные воины первого «новочен-то»⁶ пересекали джунгли и пустыни, тонули в крови и грехах, пробовавшись лишь мелкими добродетелями. Это были не люди, а какие-то страшные вырожденцы, скрывавшиеся под сенью креста, уничтожающие человечество во имя то Испании, то Португалии. Пути этих завоевателей усеяны трупами и что еще более ужасно — изрубленными культурами.

Сегодня наука возрождает и реставрирует то, что они когда-то разрушали своими ядрами и мушкетами. То, чем идеалисты, увидев однажды, остались очарованными навсегда.

В первый набег разбойники уходили на своих старых галерах. Их капитаны скрывались в бескрайности неизвестности, чтобы через несколько лет, наполнив трюмы драгоценными камнями и металлами, привезя с собой невиданных животных и черных, как уголь, людей, вернуться богаче своих владык. Это еще больше разжигало аппетиты Европы, и та не опаздывала слать вслед за ними свои армии и своих проповедников. Ружье и крест. Сила убивающая и сила разлагающая. Там, на новых землях, жили миллионы людей, которых надо было завоевать и сделать послушными. Миллионы людей с различным цветом кожи, на чьих плечах должно было повиснуть ярмо рабства. Армии стреляли, жгли, разрушали, а проповедники уговаривали. Одни связывали руки, другие — дух. Повсюду, куда бы ни подалась Европа, она несла смерть и опустошение. Ступая на незнакомые берега, она давала им свои имена, воздвигала там свои крепости и церкви, устанавливала свои законы.

Любой ядесперадо мог при случае оставить свое имя на острове, превосходившем по размерам его родину, и превратить его жителей в подданных своего короля. Так появился остров иноческого Питкэрна, Австралия стала Новой Голландией, а архипелаг Самоа — архипелагом Мореплавателей. Здесь никто не считался с существовавшими народами, вековыми традициями, любимыми богами. Никакой дипломатии — у солдат и священников не было времени подумать. Перед ними было так много людей, которых следовало либо сечь, либо крестить. Так много работы во славу королей и бога.

Европейские дворцы и европейские лавки ждали добычи для себя. Она

на стр. 18 ►

РОК-Энциклопедия Ровесника

В

БЕКК, Джефф. Английский гитарист Джейфф Бекк (род. в 1944 г.) получил высшее музыкальное образование, сразу после окончания колледжа его пригласила группа «Скриминг Лорд Сатч», он принимал участие в записи одинок пластиинки. Затем Б. заменил Эрика Клэптона в «Ярдбердз», но вскоре покинул эту группу. К 1966 г., когда Б. записал популярную композицию «Любовь как небо», он уже пользовался высокой репутацией: его манера игры, филигранность техники и тонкое чувство мелодии ставят Б. в ряд выдающихся рок-музыкантов, а эксперименты с блюз-роком, психodelией и тард- и эзен-метал-роком оказали огромное влияние на все эти направления. В 1967 году он организовал «Джефф Бекк группу»: Бекк, гит.; Род Стюарт, вок.; Рон Вуд, бас, Энниси Данбэр, уд. Первая пл. — «Правдак [к этому моменту — Данбэр, Мики Уэллер, уд., + Ники Хопкинс, клав.]. 1968 Второй альбом «Бекк-ола», 1969 (— Уэллер, Томи Ньюэн). Непрерывные столкновения трех звезд — Бекка, Стюарта и Вуда — привели к распаду, и в 1971 г. Б. набрал новых музыкантов: Кози Паузлл, уд., Клифф Чемзи бас Бобби Тейч, вок. Был записан альб «Сделано наспех», после чего последовал распад и этой группы. [Эти же музыканты подготовили материал для пл. «Обретенное чувство», но она считается сольным альб. Б.] В конце 1972 г. Б. пригласил Тима Богерта, бас, и Кэрмина Эплиса, уд. В 1972 и 1973 гг. троица записала две пл., и его постигла судьба прежних групп Бекка. Начиная с 1975 г. Б. работает соло, записывая инструментальные альб., в которых заметны элементы джаза. Некоторое время гастролировал с группой выдающегося гитариста Джона Маклафлина. В 1976 г. записал концертную пл. с клавишником этой группы Джоном Хаммером. В 1980 г. Хаммер участвовал в записи диска «Туда и обратно», который Б. считает лучшей своей работой.

Все это время Б. сотрудничал с различными исполнителями, помогая в записи особых сложных гитарных партий. Гитару Б. можно слышать на пл. Рода Стюарта, Фила Коллинза, Манфреда Мэнна, он работал с «Джин Гейлз бэнд», «Эверли бразерз», «Прогноз погоды», «Стмли спэни» и др. Как говорит сам Б., наибольшее удовольствие ему доставляет сотрудничество с великим гитаристом Лесом Попом, которого Б. считает своим учителем. Среди последних работ сам Б. выпустил альб «Вспышка», 1985.

БЕФ (The Bee) [«Би Джинз»], группа образовалась в 1958 г. в Австралии

Состав: Бэрри Джинбб, вок., гит., Робин Джинбб, вок.; Морис Джинбб, вок., бас, клав.

Англичане братья Джинбб в 1955 г. начали выступать вместе со своим отцом, Хью Джинббом. Периодически меняя название — «Рэттлспинксы», «Уи Джинни Хэнси», «Блукэтс», — объездили с концертами всю Англию. В 1958 г. семья перебралась в Австралию, и название сменили на «Би Джинз» [т. е. «Братья Джинбб»]. В 1962 г. они подписали контракт с австралийской фирмой грамзаписи «Фестивал рекордс» и в течение следующих пяти лет выпустили несколько десятков синглов и два альб. В те годы для «Би Дж.» было характерно вокальное трехголосье, а основным композитором был Морис.

Группа регулярно выступала по австралийскому телевидению, но заметили ее только в 1967 г., когда они вернулись в Англию. Братья пригласили Колина Легерсона, уд., и Винсента Мелауна, гит., продюсером стал Роберт Стиггауд. Первый альб., вышедший в том же 1967 г., а также второй — «Горизонталь», 1968 привлекли интерес слушателей не только в Англии, но и в США. Такие песни, как «Катастрофа на угольной шахте», «Массачусетс», «Словак», «Послание

тебе», а также песня «Я пошутил из альб. «Идея», 1968, стали хитами. В то время «Б. Дж.» постоянно сравнивали с «Битлз», хотя аранжировки братьев отличались вычурностью, а сами песни были очень сентиментальными.

В 1969 г. произошло что-то вроде распада: Робин начал записывать сольный альб., а Бэрри и Морис стали выступать дуэтом. В конце концов братья решили повременить с сольными проектами и записали несколько интересных пл.: «Одесса», 1969; «Звук любви», 1970; «Трафальгар», 1971; «Для тех, кого это может заинтересовать», 1972; «Мистер Природа», 1974.

Начиная с 1975 г. в музыке «Б. Дж.» преобладает диско — в этом стиле были записаны альб. «Главный курс», 1975; «Дети мира», 1976. В 1977 г. «Б. Дж.» принимали участие в озвучивании фильма «Лихорадка субботнего вечера», и альб. с песнями к этому фильму надолго стал международным бестселлером. (Музыканты также снимались в фильме Стигвуда «Клуб одиноких сердец сердца Пеппера» — см. «Аэросмити» в № 8 за 1987 г.)

Интерес группы к диско-музыке не ослабевал, и в 1979 г. «Б. Дж.» записали альб. «Полет вдохновения», до сих пор считающимся эталоном этого стиля. В 1981 г. они выпустили диск «Живое взгляд», после чего занялись сольной работой: Бэрри участвовал в записях Барбры Стрейзанд (позже с ней сотрудничал самый младший Джибб, Энди). Робин записал несколько альб., среди которых можно выделить работы 1984 и 1985 гг. «Секретный агент» и «Стены и глаза». В конце 1987 г. «Б. Дж.» выпустили свой 25-й альб. «EST».

BENATAR PAT. Пэт Бенатар (настоящее имя Патриция Андреевски), род. в 1953 г. в Нью-Йорке.

С 17 лет П. Б. начала профессионально заниматься вокалом, поступив в Нью-Йоркскую консерваторию. Но вскоре консерваторская методика преподавания ей показалась, и П. Б. прервала учебу. Некоторое время работала в банке, потом официанткой.

В 1975 г. П. Б. пригласили петь в кабаре — в то время она еще не нашла своего творческого лица и подражала таким знаменитостям, как Барбра Стрейзанд и Денана Росс. Ее заметил продюсер Рик Ньюман, и в 1978 г. П. Б. подписала контракт с известной фирмой грамзаписи «Кризалис».

Постепенно П. Б. отошла от традиционной эстрады, именовалась поворот к хард-року. Первый же сингл певицы «Разбиватель сердец» стал «платиновым». В 1979 г. она записала альб. «Душной ночью», который также возглавил хит-парады США. Второй альб., «Преступления на почве страсти», 1980, тоже стал «платиновым», а несколько композиций приобрели европейскую популярность.

В 1981 г. П. Б. собрала собственную группу, которая выступает с ней и по сей день: Никл Джеральдо, гит.; Роджер Кэллес, бас; Скотт Сент-Клер Шитс, гит.; Марлон Громбахер, уд.

П. Б. продолжает исполнять хард-рок, оставаясь одной из немногих вокалисток, удачно работающих в этом жанре. Среди ее последних работ можно выделить пл. «Тропик», 1984 (здесь чувствуется интерес певицы к ритм-энд-блюзу), и «Семь трудных дорог» (это ее 7-й альб.), 1985.

BENSON, GEORGE (Джордж Бенсон), род. в 1943 г. в Питтсбурге, США.

Знаменитый джаз-гитарист и вокалист Дж. Б. начал петь в очень раннем возрасте и уже в 1947 г. выступал на радио как «Литтл Дж. Б. В 1951 г. начал учиться играть на гит. и вскоре участвовал в выступлениях различных пittsburghских групп, ориентировавшихся на ритм-энд-блюз. С 15 лет его уже приглашали записываться самые различные исполнители.

В середине 50-х Дж. Б. собрал собственную группу «Электрэ». Он перестал петь и сосредоточился на гит. В 1964 г. его группа записала первую пл. и затем до 1969 г. выпускала по несколько альб. в год. 70-е начались для Дж. Б. под знаком традиционного джаза, но постепенно музыкант увлекся джаз-роком, и в 1976 г. вышел один из его лучших альб., выполненных в этом стиле, «Дуновение» (первая пл., на которой Дж. Б. поет — до этого он выступал в качестве вокалиста только на концертах).

«Вопреки всем нормам — так называется последний альбон знаменитой американской певицы Тины Тернер, чей творческий путь так же развидался вопреки всем «нормам». Тина Тернер родилась в 1939 году. Была очень популярна в шестидесятые годы, в начале семидесятых Тину считали «одной из величайших певиц мира». В ее звучании этого десятилетия был вернулся в рок-музыку, и возвращение это было помстине триумфальным. «Бочено моледая Тина» [так говорят в неких западных критиках] успешно сотрудничает с Родом Стоартом, Марком Нопфлером, группой «Роллинг стоунз», в несколько ее песен, записанных в дуэте с Миком Джaggerом, сейчас очень популярны в США и Европе.»

Джаз-рок стал главной привязанностью гитариста, и следующие его работы представляют собой логическое продолжение «Дуновения»: «В полете», 1977, «Летом», 1977; «Купаясь в твоем любовь», 1979, «Подари мне вечера», 1980

В 80-е Дж. Б. также экспериментировал с авангардным джазом: его альб. «В твоих глазах», 1984, — своеобразное исследование возможностей этого направления. В начале 1985 г. Дж. Б. вместе с известными амер. певицами Робертой Флэк и Энни Остин записал пл. «20-20»; оказалось, что гитарист искушен и в стиле соул. В 1986 г. он вновь возвращается в джаз-рок, свидетельством чему стал альб. «Пока город спит». Летом прошлого года Дж. Б. и гитарист Эрл Клаф записали альб. «Сотрудничество»; по форме эта работа близка к традиционному джазу.

BERRY, CHUCK. Чак Берри [род. в 1926 или в 1931 г. в Сент-Луисе, США] научился играть на гитаре еще в детстве, но, прежде чем стать профессиональным гитаристом, работал парикмахером, косметологом. В 1952 г. организовал трио, в которое, кроме него, вошли Эбби Хардинг, уд.; Джонни Джонсон, пиан. [с этим пианистом Ч. Б. работает до сих пор]. К 1955 г. трио стало популярным в Сент-Луисе. На одном из выступлений Ч. Б. познакомился со знаменитым музыкантом и композитором Мадди Уотерсом, который не только помог ему с аранжировками, но и послал одну из фонограмм известному диско-жокею Аллану Фриду [А. Ф. первым ввел термин «рок-н-ролл»] — и композиция «Мани-билинг» стала первым хитом Ч. Б.

В 1958 г. Ч. Б. записал два альб. — «После уроков» и «Двадцать долларов» [в названии последнего обыгрывается фамилия исполнителя, поскольку на жаргоне она означает «доллар», или же «Дюжина Чаков Берри»], в которых вошли такие песни, как «Рок-н-ролл мюзик» [ее популяризировали «Битлз»], «Очаровательная шестнадцатилетняя» [этую песню исполняли ЭЛП, «Статус quo», Джон Леннон], «Джонни, будь послушным» [с которой прославился Джими Хендрикс]. Кроме того, в те годы Ч. Б. много снимался в кино: «Рок, рок, рок» (1956), «Мистер Рок-н-ролл» (1957), «Давай, Джонни, давай!» (1959).

В конце 1959 г. Ч. Б. стал объектом расистской тракции: его безосновательно обвинили в оскорблении белой женщины, и, несмотря на широкую кампанию в защиту музыканта, он был приговорен к двум годам тюрьмы.

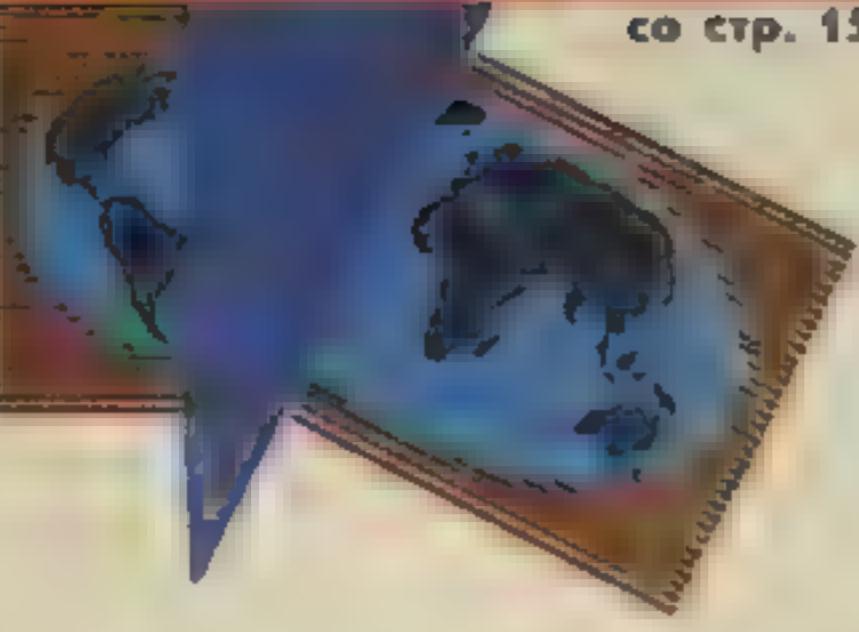
К середине 60-х началось «английское вторжение» [см. далее РЭР — «British Invasion»], и практически все британские группы исполняли на своих концертах песни Ч. Б. В 1965 г. он отправился в Англию, и один из его концертов в Лондоне был записан на пл. В 1973 г. Ч. Б. выпустил феноменальный альб. «Золотое десятилетие», в которых вошли песни, написанные им в тюрьме.

Впоследствии Ч. Б. фактически перестал записывать новые пл. и основное внимание уделяет концертным выступлениям и составлению сборников. В 1979 г. он снялся в фильме «Обезумевшая Америка».

Не так давно закончились съемки фильма о судьбе Ч. Б. — в съемках принимали участие самые известные музыканты Англии и США. Этот фильм — не только дань уважения основоположнику рок-н-ролла, выдающемуся гитаристу и композитору, но и честный рассказ о нелегком труде настоящего рок-музыканта [см. «Ровесники» № 2 за этот год].

«В 52 г. Группа «Б-52» образовалась в 1976 г. в США. Их состав: Синди Уилсон, вок., уд., гит.; Кент Стрикленд, уд.; Фред Шиендер, вок., клав., гит.; Рики Уилсон, гит. Кент Пирсон, клав., вок. Характерной особенностью музыки этой фанк-группы является отсутствие бас-гитары в ритм-секции. Вокальные приемы, а также соответствующая настройка инструментов делают композиции группы как бы стилизованными под музыку начала 60-х.

В 1979 г. группа записала свой первый альб. «Б-52» [кстати, не следует ассоциировать название с бомбардировщиком — так называлась модная в конце пятидесятых женская прическа]. Впоследствии группа стала сотрудничать с Дэвидом Бирном из «Токинг хэдс», и это принесло ей международный успех. Среди удачных работ последних лет можно отметить альб. «Уэмми», 1983.

Наступление разбойников продолжалось несколько веков. Это были века насилия и уничтожения. Европа давно забыла открывателей. Ее знамена развевались повсюду. На ее языках начали говорить все. Не было уже ни таинственных уголков, ни неизвестных земель.

Все это было искощено, ощупано, разграблено. Сыновья и внуки шли по стопам отцов и дедов. Довершая их дело, они забыли старое слово «десперадос» и теперь назывались иначе — «кабальерос»¹. Они не воевали, а управляли. Их асынды и дворцы, конторы и торговые дома поднимались на руинах древних городов, строились из их камня. Это заставляло Европу гордиться. Веками уничтожая все вокруг, сама она оставалась самой богатой и самой культурной. Мир уже не помнил, сколь велики были цивилизации, процветавшие когда-то на берегах Тигра и Евфрат, Ганга и Инда, Конго и Нигера. Многие из их шедевров теперь хранились в европейских музеях, создавая незаслуженную славу европейской науки. Это давало право европейским обычаям тыкать себя в грудь и требовать, обращаясь к истории: «Взгляни на меня, у меня есть все!» А это «все» было лишь мизерной частью богатства, которое тот же обычатель разрушал и растаскивал по кускам во время «великих походов». Трагическим обломком дворцов и статуй, храмов и мозаик, потонувших после того, как их коснулась страшная рука конкистадоров, в земле и в океанах. И все же этот осколок позволял ощутить величие уничтоженного, вызывал у бледородных сердец стремление искать, собирать, спасать.

Время варварства прошло, и открыватели вновь поднимали паруса, они вновь жаждали путешествий. Они чувствовали: они все еще нужны человечеству. Их смелость, их идеализм. И, не дожидаясь благословения, они двинулись в Африку и в Америку, в Индию и в Австралию. По старым путям. По старым местам. Но на этот раз они двинулись не за тем, чтобы искать острова и континенты. На этот раз они уезжали искать и открывать развалины. Уезжали доставать из земли и душ рабов великую правду прошлого. Потомка «десперадос» надо было разоблачить.

И он был разоблачен! Его разоблачили потомки самых лучших. Морган, Дарвин, Пеппиг, Миклухо-Маклай, Делафос ...

Потомки идеалистов. Подобно своим великим предшественникам, они двинулись не во имя грабежа, а во имя знания. Каждый их шаг по колониальным владениям Европы возвращал человечеству правду об уничтоженной культуре темнокожих. Медленно, но верно, они раскрывали всю трагедию уничтожения, страшного преступления авантюристов и торговцев. Морган и Дарвин разгромили расистские теории графа Гобино, пытавшегося доказать,

что мозг негра «гораздо глупее» мозга европейца. Пеппиг доказал, что Европа не имела столь могущественной державы, какую создали инки. Миклухо-Маклай противопоставил нравственную чистоту тихоокеанских туземцев самым блестящим европейским добродетелям.

Это второе открытие порабощенных земель было сколь радостным, сколь и печальным. С одной стороны, оно разбилитировало перед человечеством несколько крупных цивилизаций, в с другой — разбередило незаживающие раны, нанесенные ножами грабителей. Мрачная слава Испании и Португалии, Голландии и Англии зародилась на гигантских развалинах этих цивилизаций. Когда в Западной Африке происходила охота на людей, в Лиссабоне пировали и пели. В то же время от этой же охоты ливерпульские торговцы получали миллионы фунтов стерлингов прибыли.

Между 1783 и 1793 годами в Америку было продано 300 тысяч негров. И это происходило в тот самый исторический момент, когда в Париже Учредительное собрание Великой революции голосовало за Декларацию прав человека и гражданина. Это был момент, когда Марат и Робеспьер стали гражданами мира. Не случайно Делафос записал в своем дневнике, что ему «стыдно чувствовать себя европейцем на этой печальной земле...» На этой черной земле, создавшей пирамиды Хеопса и бронзовые отливки Бенина, наскальные рисунки Тассили и обрядовые маски Зимбабве.

Открыватели погружали свои руки в пепел Истории и извлекали из свет

бессмертные свидетельства правды. Человечество нуждалось в этих фактах, и они работали ради этого.

Многие годы Европа гордилась своими многочисленными историческими музеями и их редкими экспонатами. Сегодня есть много свободных держав, презирающих эти музеи.

Хозяин всегда надеется, что ему вернут украденное. Хоть что-то.

А что скажете об этом вы, господа «десперадос»?

Перевод с болгарского
В. МИЛЮТЕНКО

СНЫ И ЯВЬ МАКСА БЕКМАНА

А. ПОЛИКОВСКИЙ

Ранним утром 27 декабря 1950 года мусорщик, убирая 69-ю улицу в Нью-Йорке, наткнулся на тело лежащего наизнанку мужчины. Мужчина был мертв. Мусорщик, присев на корточки, обшарил карманы пальто и нашел визитную карточку: Макс Бекман, художник.

Последние недели перед смертью Бекман работал над триптихом «Аргонавты». Он знал, что у него плохо с сердцем. Это побуждало его работать не меньше, а больше. Он хотел успеть. Но, как это часто бывает, грандиозный замысел раздражающе вяз в десятках живописных подробностей и деталей, каждую из которых Бекман вылепливал с напряжением и старательностью ученика: лира, лежащая на палубе, волосы Медеи, борода художника, водоросли, тень... У него не выходила голова того аргонавта, что стоит справа 16 декабря, разъяренный собственной медлительностью, он бросил на страницу перекидного календаря несколько слов, написанных острым, раздраженным почерком: «Двенадцать часов над правой головой аргонавта — какой бред!» 17-го, страдающий от простуды, записал, что работал «четыре часа над смехотворной правой головой». 23-го возликовал: «Простуда прошла», бросился работать, в вечером добавил: «...голова аргонавта... будь она проклята...» 24-го: «Я мертвеецки устал... Аргонавты готовы — легкий дождь в Центральном парке».

В 1901 году Макс Бекман, семнадцатилетний ученик художественной школы в Веймаре, нарисовал странную картинку: автопортрет, на котором правый зрачок почему-то съехал в угол глаза, а рот разинут в вопле. Что он кричит? Отчего кричит? В картинке было какое-то жестокое уродство — уродство ужаса, овладевшего сознанием. Так кричат люди во власти страшного сна. Желая как-то связать свои видения с реальностью, он в 1909 году написал

«Землетрясение в Мессине», а через три года — «Гибель «Титаника». Ни в Мессине, ни рядом с «Титаником» Бекман не был, но рисовал так, как будто был, — резкие, отчетливые, жутковатые сцены человеческой гибели. Уже тут виден его дар облечь сны в плоть и кровь и мясом наполнить каждую деталь. Вряд ли тогда, в начале века, он сам мог бы объяснить свой интерес к сценам смерти и насилия. Но нам, сейчас глядящим с этого берега века на тот, знающим о двух мировых войнах, о концлагерях и миллионах насильственных смертей, ясно: этот крик, это болезненное внимание к ужасному — предчувствие...

В 1914 году Бекман добровольцем пошел на фронт, санитаром в медицинский отряд. Ура-патриотом он не был. В «Письмах на войне», маленькой книжечке, изданной в 1916 году, он с усталой ironией писал о тех, кто «под пиво с музыкой» поет «Германия, Германия превыше всего». Но о победе для него шла речь, а о том, чтобы присутствовать при катастрофе, в крахе ее эпицентре. Он делал зарисовки моргов. Анатомию человеческого тела он изучал в полевом лазарете. Он обходил палаты, где лежали люди после ампутаций и, глядя на них, понимал что-то такое о строении человеческого тела, чему не научишься ни в каких художественных школах. В глазах его был теперь тот самый крик, который он нарисовал еще в 1901 году, — крик сознания, не справляющегося с кошмаром. Это «Автопортрет в форме санитара», написанный в 1915 году: бледное, нездоровое лицо, искривленный блеск в глазах. Его демобилизовали. После года на фронте он стал психически негоден для войны.

Но от войны он уже не излечился. Никогда. Последствия были необратимы: он не мог нарастить добропорядочные понятия о жизни, как наращивают жирок после лишений. Самые кош-

¹ Аркадия — область в Греции. В античной литературе изображалась краем гостеприимного и благочестивого народа, земным раем.

² Клавдий Птолемей — древнегреческий ученый, разработавший геоцентрическую систему мира. Герерд Меркатор (1512—1594) — фламандский картограф, математически обосновал принципы построения карт.

³ По возвращении из экспедиции через Атлантический океан (1498—1500) Колумб по ложному обвинению в утайке королевского золота был арестован и в кандалах отправлен в Кастилию, где под давлением его сторонников был освобожден.

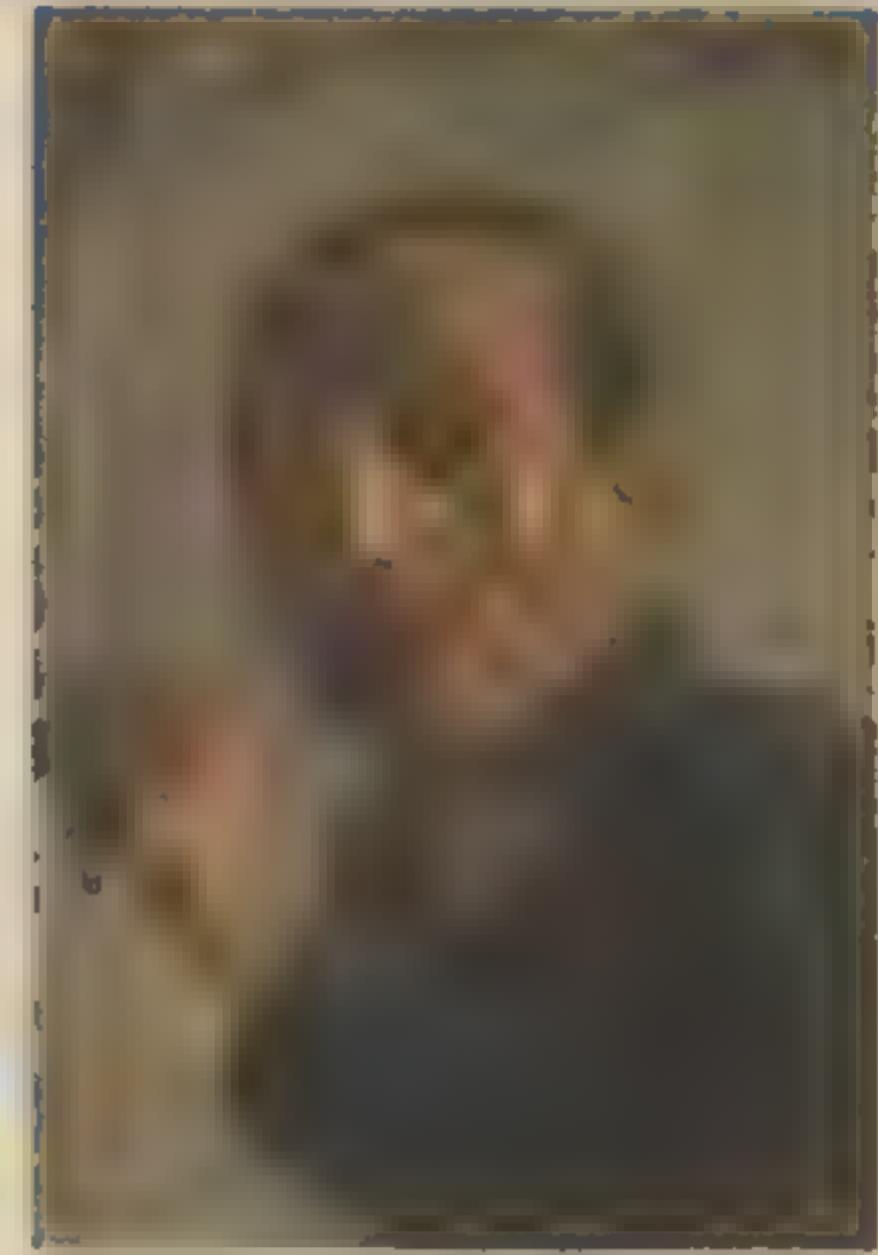
⁴ Эрнан Кортес (1485—1547) — исп. завоеватель Мексики. Франиско Писарро (1470—1541) — исп., участвовал в завоевании Панамы и Перу, разграблении государства инков. Васко Ну涅с де Бальбоа (1475—1517) — исп., участвовал в походах против коренного населения Америки. Алонсо де Охеда (1466—1516) — исп. Первым из европейцев проник в глубь острова Гаити и открыл там золотые россыпи. Франсишку Алмейда (1450—1510) — порт. завоеватель Индии. Алфонсу ди Албукерки (1453—1515) — порт., участник колониальных захватов в Индии.

⁵ Десперадос — староисп., отчавлившиеся, изуверы.

⁶ Новоченто — ит. новое столетие; здесь зарождение капитализма в Западной Европе.

⁷ Кабальерос — исп. всадники, рыцари. Здесь — «благородные люди».

⁸ Льюис Генри Морган (1818—1881) — амер. историк и этнограф, исследовал племена amer. индейцев. Чарлз Роберт Дауин (1809—1882) — англ. естествоиспытатель. Эдуард Пеппинг (1798—1868) — нем. натуралист, исследовал Южные, Центральные Анды. Николай Николаевич Миклухо-Маклай (1846—1888) — русс. путешественник, исследователь Новой Гвинеи. Морис Делафос (1870—1926) — фр. африканист, языковед.

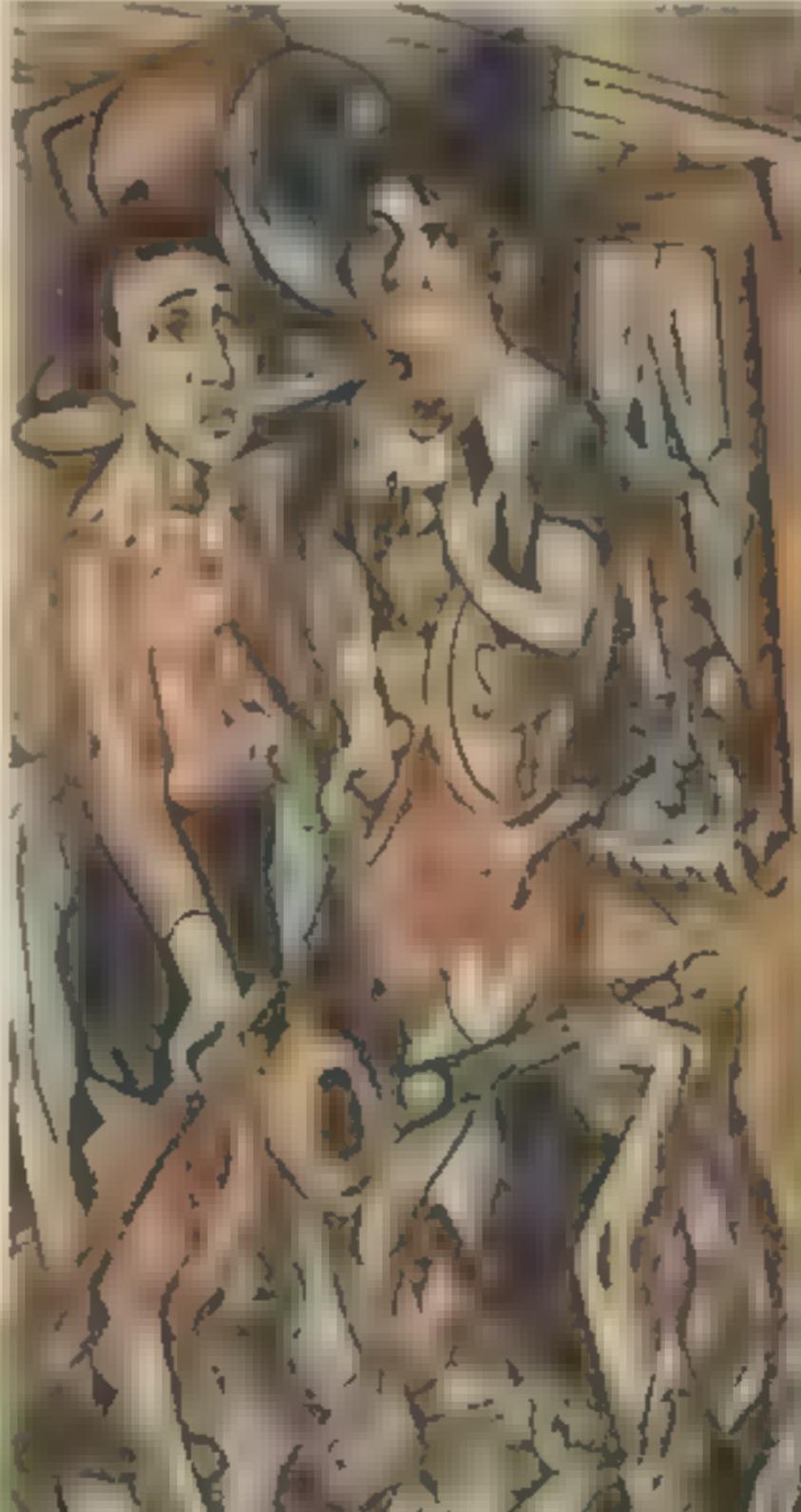
марные юношеские фантазии и предчувствия, самые ужасные в своей осознанности сны сливались с его опытом, полученным на полях Восточной Пруссии и Фландрии. «Может ли так быть, — спрашивал он сына в письме в 1949 году, когда кончилась уже и вторая мировая, бывшая еще страшней первой, — что имвеши боли, обусловленные душевными ранами, полученными в военное время?» Всякое время было теперь для Бекмана военным, хотя войны как таковой нет на его полотнах. Но она все-таки есть, она незримо стоит за окнами, задернутыми занавесочками, она стоит за холстом и нависает над всем изображенным огромной тенью. Почему так часто лица на картинах Бекмана исполнены смутной, навсознанной тоски? Чего боятся, отчего тоскуют люди на картинах Бекмана? Они боятся чего-то, что гигантским локомотивом налетает из тумана, окутывающего мирок настоящего, боятся будущего кошмара, который живет в их снах. Бекман думал о войне, даже когда рисовал что-то совсем другое. В 1940 году, в эмиграции, в Голландии, на пустом пляже, опутанном колючей проволокой, он рисовал чаек. «Чайки — это летчики, — сказал он сыну в своей обычной отрывистой манере. — У вторжения нет никаких шансов на успех». Он говорил о готовящемся вторжении Гитлера в Англию — Гитлера, от которого он бежал...

Насилие было постоянной темой Бекмана. Когда правые офицеры в 1918 году убили Розу Люксембург, он в подробностях изобразил все происшедшее в серии литографий под названием «Ад» и с издевкой написал на первом листе: «Недовольные могут получить деньги назад». Эта война, продолжающаяся после войны, это вечное убийство, совершающееся в жизни, были ежедневным кошмаром для Бекмана, который сам себя называл «неврастеником». Он мог на время изгнать кошмар из души, нарисовав его. «Еще раз, — записывал он в полночь 8 сентября 1940 года, — все, что я сделал и создал, это только сброшенные оболочки моей жизни, — оболочки, под которыми он обнаруживал все то же, всегда все то же: одиночество и тоску, «депрессию и дикое самоощущение», тягучий и трудно выражаемый на полотне сон, похожий на явь. Жизнь была для Бекмана неразгаданной тайной. Его картины — всегда больше, чем слепок с мечты и времени. Он пытался проникнуть за место и время, понять, что стоит за событием, за человеком.

Проникнуть туда, в это за, было немыслимо трудно. «Если хочешь понять невидимое, проникай в видимое как можешь глубже — вот было правило Бекмана. Это значило глазами врабатываться во всякую жизнь — в рыбу, в птицу, в человека. Птицы его особенно восхищали. Вся красочность мира была сосредоточена в них, в этих голубых какаду и черных попугаях, которых он видел скачущими с ветки на ветку в зоопарке голландского города Дерент-

вии. Цвет для Бекмана был не аналогом чувства, в самом чувством. «Едва только я подумаю о сером, зеленом и белом или о черно-желтом, серно-желтом и фиолетовом, как меня охватывает трепет сладострастия», — писал он, выплывая мощные руки и ноги своей «лежачей женщины». Но массы плоти и густые лужи цвета, как бы ни восхищали они его, никогда не были для Бекмана самоцелью, концом движения; отдав им должное, он стремился дальше, глубже, к скрытому под ними маленькому трепещущему язычку духа. Отгадывать вещи. Откалывать смыслы. Этот ежедневный пробив вглубь отнимал у него все силы. Он уставал, как горняк в шахте. «Устал как полу-мертвый, весь день писал — в остальном буря и дождь и плохое настроение», — записывал он в дневник. «Пьян от усталости и не могу спать». «Работал до обморочного состояния». «Усталость на два дня, после того, как интенсивно поработал один». И добавлял не без юмора: «Хотел бы знать, почему живопись такое утомительное занятие. Всего-то немного маешь краской...»

Сегодня и вечность, реальность и сон каким-то зыбким и завораживающим образом перетекали друг в друга на полотнах Бекмана. В картинах Бекмана есть вечность, хотя в них нет холода и пустоты абстракции: это происходит сейчас, но это происходит всегда, это снится, но это будет. Ужас страшного сновидения оказывается ужасом фашизма. На картине «Птичий ад» ядовито-желтые и фосфорно-голубые птицы терроризируют людей, которые в ужасе вздели вверх руки и кричат, раскрыты. Пытка: птица может полосует лежащего человека. Но все это — по периферии полотна, а в центре, предвещая еще больший кошмар, выплывает из яйца зловещая птица-матка, птица-ведьма, птица-физическое воп-

лощание смерти. Это гарпии из мифа или штурмовики Рема¹ из соседнего дома? Откуда вырвался этот дикий вывих — из убогих условий социальной жизни или из нашего подавленного подсознания? Сам Бекман чаще всего молчал в ответ на такие вопросы. «Художник рисует, а не болтает» — такая была у него присказка. В этом большом, по-медвежьи грунтовом человеке был глубокий пессимизм, замыкавший ему уста. Перед собственным вселенским пессимизмом он казался самому себе маленьким и смешным. «Запертые, как дети, в темной комнате, мы сидим и ждем, пока нам откроют двери и поведут на казнь, на смерть». На фоне этого — что значили все его мучения, все его сомнения, вся его живопись? Он не очень-то верил в счастливые исходы и собственное величие. «Старый осел», «старый клоун» — называл он себя. И даже «маленькая блока».

Люди на полотнах Бекмана противоречили нацизму тем, что были не такие. «Третий рейх» требует от искусства чистоты, приложения и умения, — писала 18 июля 1937 года «Берлинская иллюстрированная газета», публикуя то, что в аршинном заголовке называлось «Произведения, пролагающие путь для немецкого искусства». В числе других тут была картина художника Эбера «Последняя граната» — воин в каске рвет чеку, взрываая себя и врагов. Лицо его исполнено суровой и мужественной красоты — красоты подвига. Он не знает ни тоски, ни сомнений, ни страха — даже страха смерти. Вот на кого должна походить немецкая молодежь.. У Бекмана тоже была своя «граната», нарисованная еще в 1915 году. Ломкие, уродливые фигуры, отбрасываемые взрывом на край холста, оскаленные зубы, темные глазницы, торчащие руки и ноги... Нет ничего красивого или мужественного в этом зрелище разносимых на клочки людей. Такая живопись нацизму была не нужна — на ней нельзя было воспитать поколение бесстрашных героев. В брошюре «Немецкое искусство и выродившееся искусство», изданной в Мюнхене в 1938 году, было сказано, что «едва ли существует хоть одна картина большевика от искусства Бекмана, которая не представляла бы из себя подлости». Он воспринял это спокойно — впервые, потому, что ничего хорошего от нацистов не ждал, а во-вторых, потому, что ничего хорошего не ждал и от жизни. Со стойкостью, следившей из полного осознания себя и судьбы, он писал, что «я больше не подхожу к новому казематному миру...». При этом он ни от чего не отрекался. «Всю мою жизнь я старался искать свое «я». И от этого я не

¹ Эрик Рем (1887—1934) — один из фашистских лидеров. В 1931 году начальник штаба штурмовых отрядов. После установления фашистской диктатуры в 1933 году — министр. Расстрелян с санкции Гитлера как один из возможных конкурентов в борьбе за власть.

отступлюсь, и на будет никакого нытья о пощаде и жалости, и пусть я во веки веков поджариваюсь на огне. И у меня есть права».

В Голландии, в эмиграции, он прожил всю войну. С женой он предпринимал долгие велосипедные прогулки. Он гулял по пустынным пляжам, всматривался в серую даль воды — до тех пор, пока немцы не объявили пляжи «запретной зоной». Возбужденный газетными новостями, Бекман ходил по узким средневековым улочкам Амстердама, громко стучал по булыжнику своей неизменной толстой бамбуковой палкой. Его жена, Кваппи, уговаривала его не курить, не пить, не работать так, как он работал — тяжело, без перерыва. Но он все равно боролся со своими полотнами в просторном и прокуренном помещении бывшего табачного склада, где у него была мастерская. Как бы далека ни была война от Голландии, для Бекмана она была так же близка, как прежде — катастрофа происходила не вокруг него, а в нем. По ночам он не спал, прислушиваясь к гулу идущих на Берлин американских бомбардировщиков. Слов не было. Вместо слов он ставил в дневнике тире, ставил восклицательные и вопросительные знаки, наращивая их количество — немой крик: «!!!!!!!», «Непросто высоко держать голову во всех этих условиях, и это чудо, что я еще вообще существую». Всегда он держал голову высоко — «как утопающий». Война, которую Бекман в эти годы называл по-голландски «орноги», диковатым языческим словом как бы подчеркивая жестокость и бред происходящего, как и прежде, причиняла ему физические мучения. Мучительно быть немцем в годы Освенцима. У него болела голова, скакал пульс, что-то неладное происходило с сердцем. Пытаясь понять, что происходит в жизни и какова природа той ужасной жестокости, что захлестнула XX век, он целыми днями, запойно читал «Бесов» Достоевского — и в итоге, как когда-то на фронте, срывался в нервное расстройство, так и не найдя ответов на свои вопросы.

Нужда все время держала его за горло. Бекман ходил на рынок продавать кольцо и меланхолически записывал: «Можно экономить и тогда что-нибудь позволять себе, и можно проигрывать деньги и тем самым тоже что-нибудь позволять себе. И то и то вместе не выходит». Это, может быть, одна из самых длинных фраз в его дневнике. Бекман писал невероятно скрупульно, телеграфным стилем, в котором все-таки умудрялся выражать самоиронию: «Холодной темной ночью — домой, держал большую речь — ну да — и так далее». Этими короткими «ну да», «идея» усыпан его дневник. Его фразочки похожи на точно воткнутые булавки: «Дни бегут — куда?», «Мир становится все более гротескным», «Пессимизм», «What about cigarettes?» и «Чего же ты, собственно, дочешь, старый осел?» Что бы там ни говорили

растрапанных нервах, он работал, «Ничего не важно, кроме работы!» Работа была крепостью, которую он построил себе посредине Апокалипсиса, — крепостью, в которой нельзя было укрыться. «Да, да, я знаю, что приходит конец и мне и Германии — чем тут поможешь и спасешь...» Это он писал весной 1945-го. Война шла к концу, а Бекман никак не мог смириться с мыслью, что выжил. Выжить — это было противостоящим в век промышленного превращения человека в мыло. Кваппи говорила о планах на будущее. «Если только в последний момент мне не свалится на голову бомба или кирпич», — отвечал он.

В первый послевоенный год его живопись «открыла» американский торговец картинами Курт Валентин. Валентин устроил выставку-продажу в Нью-Йорке, и все картины были распроданы. «Даже два портрета и голландский ландшафт... до сих пор не переживал ничего подобного!» — удивлялся Бекман. Картины его ярко и мощно ворвались в послевоенный мир — они доказывали людям, что диктатура, при всем своем могуществе, не способна переделать на свой лад художника, с его двумя кисточками и коробкой красок. Эти картины, рождавшиеся на голландском чердаке в дни битвы под Москвой и взятия Берлина, упорно говорили людям правду о них самих — ту правду, которая не каждому приятна и которую человек скорее готов признать относительно другого, чем относительно себя... Теперь у Бекмана были деньги и слава, и он, всегдаший пессимист, вдруг с тщеславным и наивным удовольствием записывал в дневник, что о нем говорят, будто он принадлежит к четырем или пяти лучшим художникам своего времени. Самоирония, впрочем, не позволяла ему очень уж увлекаться этим. «В «Тайм» рецензии и рецензии. Довольно потешно, но — должна же что-то иметь и женщина, убирающая клозет в Чаттауге». Начались интервью. «Метод?» Художник качает головой. «Нет, у меня нет метода. Рецепта нет...», — сказал он Дороти Зеклер из журнала «Новости искусства». Но потом вспомнил — а ведь кое-чему он все-таки научился за сорок пять лет работы! Надо ставить картины вверх ногами. «Поставить картину вверх ногами — это проверка равновесия композиции. Если что-то не так, то это сразу видно. Любое великое полотно прошлого выдерживает эту проверку...» Цели, цели, какие у него цели? «Современное сделать вечным и вечное современным».

Он искал форму, в которой мог бы связать воедино сегодня и вечность,

духовное и материальное. Этой формой была триптих. В Америке, куда он перебрался после войны, Бекман обдумывал и писал «Аргонавтов». Занысел был грандиозен — триптих площадью примерно шесть квадратных метров, на трех створках которого должна была уместиться вся жизнь человечества. Сюжет прорастал из снов. «Мне снились аргонавты — воскликнул он однажды утром, когда жена разбудила его. — Это были фигуры с моей картины, они вдруг ожили — это было очень необычно, как-то жутко и тревожно, — странно, ничего такого со мной еще не бывало». «Аргонавты», подводившие итог его жизни, как ни удивительно, оказывались вовсе не мрачными — во всех трех частях царит светлый, сдержанно-жизнелюбивый колорит. Тут нет ни войны, ни насилия, ни смерти. Это вечная, ни на секунду не умирающая, ничем и никак не побеждаемая жизнь, которая за всеми концлагерями, над всеми убийствами и насилиями, — жизнь, исполненная творчества и приключений. На центральной части изображены две юноши, стоящие на палубе корабля — загар и соль на их стройных обнаженных телах. Это — аргонавты, отправившиеся в путь за таинственным золотым руном, и это — вечно нарождающаяся молодость, пускающаяся в плавание наудачу. Из глубины моря поднимается к ним на палубу обросший бородой, старый как мир бог Нептун: он подскажет им курс, он поможет им, как всегда смелым помогает судьба. Они, эти двое молодых аргонавтов, в центре триптиха и в центре жизни, они, пускающиеся в путь, ищащие руна на далеких просторах морей, — главные действующие лица истории. Слева от них — художник, рисующий Медею. Справа, плотно заполняя пространство пюпитрами, инструментами, лицами и руками, играет небольшой камерный оркестр. Что он играет? Что написано на нотах? Привыкшие к ребусам Бекмана люди и тут искали загадку, но ее не было. «Это просто хор», — сказал он. Хор, который всегда сопровождал действие в греческой трагедии.

К рождеству 1950 года «Аргонавты» были в общем и целом закончены — оставалось переделать и перебороть несколько никак не удававшихся деталей. 25 декабря Бекман дал себе день отдыха и гулял в небольшую метель, а вечером, желая отвлечься, пошел в кино. 26-го, в предпоследний день его жизни, с утра до вечера валил снег. Бекман стоял у триптиха и работал. «Опять работал над головой аргонавта... Кваппи сердится. Она сердилась оттого, что он не слушался ее и врачей, предписавших размеренный и неутомительный образ жизни, необходимый для того, чтобы сердце протянуло».

Сон, начавшийся
Плач и окончившийся
Плач смерти, —
Сон жизни, ты
Приснился мне весь,
(Из дневника Бекмана, без даты.)

Томас ДИШ, американский писатель

Рассказ

— Я не могу понять, — прокрякала Даффи, — как они все это сделали?

— Люди, — ответил Куртис, объясняя все одним словом.

— Но как? — Она подобрала клювом липкие кусочки пуха с мягких мертвых лиц.

— Ты ни в чем не виновата, дорогая. Это из-за той штуковины, которой они все опрыскивают. Наука.

— Просто ненависть, а никакая не наука.

— Ну, успокойся. — Куртис ткнулся клювом в свои маслянистые коричневые перья. Он всегда терялся, когда жена так раздражалась. — Попробуй посмотреть на это с их точки зрения!

Она с силой ударила клювом по хрупкой скорлупе, вытащила голого, еще не оперившегося утенка и сказала

— Вот она, твоя чертова... — но с утенком в клюве слово «объективность» выговорить не смогла.

Куртис встревоженно расправил крылья и поднялся на несколько футов в воздух, но перепачканные нефтью перья не поддерживали полет. Он пролетел немного и опустился на гладкую поверхность пруда.

Даффи бросила безжизненное тельце обратно в гнездо. Чувство безнадежности заглушило в ней даже печаль. Все ее действия, каждый инстинкт, ведущий ее, каждая пушинка, выдернутая из тойщей груди, все было напрасно...

Пока жена бродила по берегу, Куртис продолжал кырять в надежде найти что-нибудь съедобное среди неразлагавшегося мусора на дне. Он работал с непоколебимым мрачным упорством, пока наконец не нашел стебель какого-то растения. Весь перемазанный слизью, но гордый своей находкой, он, перевалившись, выбрался на берег и положил стебель у ног жены. Она жадно заглотила половину, потом, давясь, выплюнула обратно черную кашу.

— Как... — воспользовалась она неприличным сравнением.

— Если бы так, — пошутил он, склонив голову на сторону. — Если бы это было хоть наполовину так же вкусно...

Даффи рассмеялась.

— Попробуй заставить себя поесть, дорогая. — Снова вернувшись к своей раздражающе-рассудительной манере, попытался уговорить ее Куртис. — Тебе нужно поддерживать силы.

— Зачем?

— Ты меня любишь?

Даффи отвернулась, почти спрятав голову под левое крыло.

— Любишь?

— Да.

— Вот поэтому и должна. Мы еще нужны друг другу. Пока мы будем нужны друг другу, мир не кончится.

Ее первым импульсом было усомниться даже в этом. Любовь? Все существо ее было инстинктом любви, но не к Куртису, а к тем маленьким безжизненным существам в гнезде. Но сдава ли можно ожидать от мужа, что он это поймет, и нужно

ли? Подавив внутренний протест, она заставила себя съесть отвратительный черный стебель.

Шла осень. Те листья, что пережили лето, давно уже опали с деревьев. Постоянно меняющиеся орды насекомых, что помогли Даффи и Куртису продержаться август и сентябрь, исчезли так же внезапно и необъяснимо, как и появились. На дне пруда, кроме пластика и алюминия, ничего уже не оставалось.

Они знали, что нужно делать. Необходимость лететь на юг сама играла мускулами крыльев и груди, словно зов к продолжению рода, и в то же время странное нежелание покидать опустошенный пруд заставляло их медлить. Какой-то антиинстинкт, что-то вроде истерики, но такой же силы, как необходимость, гоняющая их вверх снова и снова, побуждал каждый раз возвращаться в недоумении к водной глади, еще не успокоившейся после их взлета.

Куртис предложил целый ряд объяснений их ненормального поведения: панический синдром, генетические изменения, необычная диета, перемещение магнитных полюсов... Но рассудительность не могла защитить от чувства, охватывающего их каждый раз, когда они достигали определенной высоты. От абсолютного, непреодолимого страха.

— Мы не можем здесь оставаться, — горячилась Даффи. Единственный метод спора, которым она пользовалась, заключался в повторении одного и того же неоспоримого факта. — Я хочу сказать, что просто не можем.

— Я знаю.

— С нами случится что-нибудь ужасное.

— Это я тоже знаю.

— Я чувствую... какое-то оцепенение.

— Даффи! Я пытаюсь думать!

— Думай! Ты думаешь целыми неделями, и что толку? Посмотри на деревья! Потрогай воду — лед уже!

— Знаю, знаю.

— Завтра мы просто должны лететь. Просто должны.

— Мы говорим об этом каждый вечер, в утром опять та же история: снова испуг.

— Я чувствую в себе этот невероятной силы зов. Лететь!

— Понятно...

— Конечно, понятно, — угрюмо кивнула Даффи. Тогда почему мы не летим?

— Лететь... Каждый раз, когда мы пытаемся улететь отсюда, мы поднимаемся до определенной высоты, а потом приходит то, другое чувство. Так?

— Да, но я думала... — Она снова запуталась.

— Мы пойдем пешком.

— Пешком? Весь путь?

— Сколько сможем. Может быть, это только здесь на нас действует. Может быть, это вид пруда... Не знаю.

— Но я не люблю ходить. Даже близко.

Куртис промолчал. Он поджал ноги, сунул голову под крыло и притворился спящим. Даффи, любившая перед важным решением взвесить все «за» и «против», долго еще беспокойно бормотала что-то сама себе, плавая вокруг него кругами, но в конце концов была вынуждена признать, что Куртис прав.

Утром они пошли на юг.

Шоссе тянулось в обе стороны на сколько хватало взгляда, запекшееся, серое и унылое, гладкое, как спокойная вода. Гигантские машины неслись мимо так быстро, что, казалось, они падают к горизонту. Утки шли по краю шоссе, не обращая на них внимания, и машины отвечали им тем же.

Оба они устали, и все же желание взлететь билось в них с прежней силой. Чуть раньше, сказав, что она просто хочет немного размять крылья, Даффи вспорхнула в воздух, и инстинкт поднял ее, как порыв циклона. Куртис едва успел ухватиться клювом за металлическое кольцо на ее ноге, и на какое-то время они застыли, не зная, то ли вот-вот он взлетит вместе с ней, то ли она сейчас упадет с ним на землю. Затем ее крылья ослабели, и она рухнула в агонии стыда и порыва.

— Я не могу идти дальше. Не могу. Ты сломал мне ногу.

— Ерунда, — неуверенно произнес Куртис.

— Наверное, я умираю. Я должна взлететь.

— Если ты взлетишь, случится то же самое.

— Нет, Куртис. Я уже перемогла себя. В самом деле.

— Ты поднимешься в воздух, увидишь пруд и снова повернешь назад. Все наши старания пропадут впустую.

— Я буду осторожна, обещаю тебе.

— Я не собираюсь спорить на эту тему, Даффи, — отрезал Куртис и двинулся вдоль дороги. Она подождала в надежде, что он обернется, но Куртис шел дальше, и в конце концов она бросилась его догонять, крепко прижав крылья к бокам.

К вечеру шоссе свернуло в ту сторону, где в смог садилось солнце. Они шли по правой стороне, и чтобы продолжать двигаться на юг, им необходимо было пересечь дорогу. Однако движение стало еще сильнее, чем днем.

— Может, мы перелетим? — предложила Даффи.

— Мы переждем, — ответил Куртис тоном, не допускающим возражений.

Они ждали, ждали, ждали, но за все это время ни разу не было перерыва сразу в обеих колоннах движущихся навстречу друг другу машин. Машины поглощали фары, и у Даффи оттого, что ее тень то удлинялась, то исчезала на твердой поверхности дороги, закружилась голова. Наконец они сдались и спустились в канаву около дороги, где, к их радости, нашлась лужа, в которой можно было переночевать.

Первое, что Даффи увидела, проснувшись, был зловещий блеск крысиных глаз всего в ярде от нее. Ни секунды не думая, она попыталась выпрыгнуть из воды, но крылья не слушались. Она истерически закрикала. Куртис проснулся, увидел крысу, но по непонятной причине остался неподвижен. Крыса тоже не двинулась с места.

«Это сон, — подумала Даффи, — кошмарный сон».

Но Куртис, как обычно рассудительный, нашел другой ответ.

— Лужа ночью замерзла. Поэтому мы и не можем сдвинуться с места. Мы замерзли в лед.

— Но там крыса!

— Крыса мертва, Даффи.

— Но посмотри... Зубы...

— Сама посмотри. И приюхайся. Она пролежала здесь, наверно, целую неделю.

Куртис принялся методично долбить клювом лед вокруг себя и через какое-то время выбрался и помог Даффи. Она заснула там, где лужа была мельче, и вызволить ее оказалось гораздо труднее. В спешке она потеряла много перьев.

По всей канаве валялись мертвые крысы, два дохлых горностая, наполовину объеденная сова... Обводя взглядом легионы уже неопасных врагов, Даффи почувствовала тревожную смесь удовольствия и страха. С одной стороны, мир без хищников гораздо лучше... Что с другой стороны, она выразить не могла, но что-то все равно было не так.

— Даффи, взгляни, тут пещера.

— Ради бога, Куртис! Я надеюсь, ты не собираешься...

Куртис! — Она кинулась вперед, но слишком поздно, чтобы помешать ему войти внутрь.

— Смотри. Там с другой стороны свет. Пещера проходит под дорогой и выходит на ту сторону.

— Куртис, вернись! — Она вошла в пещеру. Куртис был уже в нескольких ярдах впереди, и Даффи ясно видела его силуэт на фоне круга света в другом конце пещеры.

— Мы идем на юг, Даффи! На юг! — Голос его отражался от стен странным эхом.

Даффи сделала еще несколько шагов вперед и наткнулась на волосатое тело крысы. Она вскрикнула и, в ужасе подпрыгнув вверх, ударила головой о потолок дренажной трубы.

— Не бойся, дорогая. Все эти крысы мертвы, как и...

В этот момент последняя живая крыса вцепилась Куртису в горло. Куртис боролся, снова и снова поднимаясь вверх, хлопая крыльями по стенам, отмахиваясь от хищника, но крыса цеплялась из последних сил. Сколько он ни был ее крыльями, сколько ни падал на нее сверху, крыса не ослабляла хватку. Они сражались, пока оба не упали замертво.

Даффи летела на юг. Она летела уже несколько дней — мимо больших серых озер и еще более серых больших городов, над змеинным сплетением рек и дорог, сквозь удушивающие облака и слепящий дым — она летела на юг. Казалось, она забыла Куртиса в тот же момент, как поднялась в воздух. Она превратилась в ритм бьющихся крыльев. Изредка она чувствовала уколы паники, но это не было старым предательским желанием вернуться к разлагавшемуся гнезду у пруда. В молодости, во время своей первой миграции, Даффи летела в стае из восьми или девяти птиц, сливаясь с ними в одно действие, в один порыв. И сейчас она чувствовала себя потерянной и одинокой. Но это ощущение быстро проходило, уступая место растущей уверенности, что прежнее единство каким-то образом вернется.

Она начала разговаривать сама с собой. «Все в конце концов образуется, — говорила она. — Волнуешься, колеблешься и думашь, что мир разваливается на куски, в потом вдруг раз — и на следующий день идет дождь. Я не утверждаю, что это идеальный мир. Это было бы глупо. Достаточно лишь посмотреть вокруг, и увидишь... всякие разные вещи. Но если продолжать жить и стараться изо всех сил делать то, что должна делать, все образуется».

Она летела все дальше и скоро (хотя устала она гораздо больше, чем признавалась сама себе) добралась до океана. Душа ее взыграла: теперь уже близко, может быть, еще один день...

Но, пролетая над водой, она ощущала, что происходит что-то странное. Сначала ей показалось, что это просто симптомы усталости. Крылья как бы промахивались, словно здесь над океаном атмосфера стала другой. Она начала терять направление, пришлось свернуть влево, вправо, пока ощущение юга не вернулось к ней. Ей казалось, что она слышит гром в безоблачном небе, далекий, но иногда такой мощный, что, закрыв глаза, она представляла себя в эпицентре бури.

— Глупо, — раздраженно крякнула она. «Бояться нужно чего-то ощутимого. А здесь...»

Воздух громыхнул, и несколько секунд ровного продвижения на юг были просто вырваны из времени. Гром достиг чудовищной силы и вдруг, когда она думала, что уже не выдержит больше, исчез.

«Надо надеяться...»

Небо рухнуло. Позади пронесшегося над ней невидимого «Конкорда» Даффи, уже мертвая, кувыркаясь, падала в загаденный океан.

ДЕМОСТЕНСКИЙ

Англичане косметологи считают, что хотя качество кожи во многом определяется ее же отнюдь не безыходное положение. Прежде всего — побольше зодито пышком, высыпайтесь, правильные мыслей — и... избегайте злобных лиц. как злоба так и портит цвет кожи американки и заисть. А многие американки пользуются «кухонной магией». Для сухой кожи хороши маски из помидоров, для жирной — умывание соком из салата с солью и лимонным соком (а маски с солью и лимонным соком из помидоров удастся умыться сухой кожей, и всем полезны компресса из льда — но ведь надо помнить, чтобы всего из маски не было). Девушки симпатичны, чтобы избежать переохлаждения, хорошо также протирать лицо ледяными кубиками из утреннего чая, отвара петрушки из спитона, яичного паштета или укропа.

«У ВАС МОЖЕТ БЫТЬ УМНОЕ, даже красивое лицо, вы можете трясти массу денег на парикмаху, но если ходить к парикмаху на ходьбе смотрите вниз, словно ищете на тротуаре монету, — пишет гладкую — неудачницу. Основа успеха — хорошая осанка. — Като-журнал «Тина» и дает американский горнично заявил: «Основа умного лица — это равнодушие к себе». Пусть кто-нибудь из вас осанка! Пусть кто-нибудь из вас сбоку: когда вы посмотрите на вас беспристрастно, ушиная раковина, когда вы зободренно смотрите на одну изображаемой на картине. Второй, если результат беспристрастной оценки оставляет вас лучше, как этого добиться? Подойдите и станьте, прижмитесь к ней затылком, спиной, напрягите мышцы бедер и живота. Поставив тело в положение, потодите по комнате. Вернитесь к стене, проверьте свою осанку. Еще одно: ходите по комнате с книгой на голове. Если комната с книгой не в порядке, главное старается — все в скровать в памяти такую осанку и почаше отглядывайтесь на свое отражение в зеркалах магазинов.

Миши
гебурикі,

ОДА ДАСА ЧАЛ ПОСЛАДЕНИЕ
ЧЕРЬ НЕ НАДО КРАСИТЬ СИДИ
СИДЕТ, УМАНИМ МОЛДА
РУДА РУЗВИДА БЛУ", АГАДА
ШЕСАНИЙ ГАК, ЧИСА СИД ГАДА
ЭНО ПЕЛХОДАИ В ГАДА
ТЕПЕРЬ В МОДЕ ГЛАЗ БЫ
ГЛАДЕЛЬНЫИ АКЛАДА
ШАНОИ ИДЖИМЫИ ГАК.
ЭТОЮ АСЫЛЬСА, ПАМАНДА
ОДЕССЕ ВАШИХ ГЛАЗ,
ПОСУДАНО НА ГАСУЧКАИ ИЗ
АМЕРИКАНСКОИ А. СХЕС
ЖЕРНАДА"КОСМОДИНАМ"И

B. Webb
Aug. 8

КРАСИВЫЕ, ПЫШНЫЕ, БЛЕСТАЩИЕ волосы — результат не только своевременного мытья шампунем, обязательного соответствующим вашему типу волос, но и массажа. Бельгийский журнал «Пурпур» пытается, в частности, и советы бабушек — вспоминать искакрет для волос жесткой волосянки щеткой сто раз вперед, сто — назад, сто — слева, сто — направо, сто — справа. Известно, что это короче упражнение для мышц спины и шеи.

Да пропади пропадом день, когда мы
не танцевали хоть раз!
Да не уверуем в истину, рядом с
которой нет места хоть одному
изрыва смеха!
Ф. Ницше, «Так говорил Заратустра»

Я ЖИВУ ТОЛЬКО ДЛЯ ТАНЦА

Морис БЕЖАР,
французский хореограф

Я хореограф, потому что ничего другого я не умею. Покидая детство, которое меня к этому, впрочем, никак не готовило, я стал танцовщиком. Ребенок мечтал стать режиссером. Режиссер и танцовщик смастерили хореографа. И поскольку человек в итоге всегда оказывается тем, кем он был у истока жизни (я не верю в неожиданность призвания), кажется, сегодня существует некий хореограф по имени Морис Бежар. Но хотя я вовсе не верю в неожиданность, в метаморфозы каждой жизни я верю вопреки всему: жизнь человека податлива, поэтому каждый может поразить окружающих и уж во всяком случае проявить себя. А если жизнь вообще не что иное, как любовный роман между темой и ее вариациями?

Балет, который я предпочитаю всем остальным, это тот, который мне еще предстоит создать. На празднике по случаю моей сотовой постановки в Брюсселе я улыбался только по обязанности: в тот момент я думал о музике для сто первого балета. Некоторые балеты вызревали годами, другие приходили сразу. Иногда меня

вдохновляла определенная традиция, музыкальная или религиозная. Порой я отдавался течению. Иногда отправной точкой было просто зрительное впечатление: похоронная процесия на пустынной дороге в самом сердце Испании, смех трех друзей в коридоре поезда, девушка, выходящая из воды в августовский полдень. Иногда я хотел подарить роль определенному исполнителю...

Человек как человек. Стремления, восторги, разочарования. Долгие романы, недолгие романы. Хочешь что-то сделать, сделать получше. Как мастеровой... Талант, гений — это не так много, это нечто, имеющее границы. Гений! Сейчас это модно. Все — гениальное, все должно быть гениальным. Но я убежден, что ремесленники средневековья, египетские златели, персидские миниатюристы, художники, писавшие по шелку в Китае и Японии, думали совсем о другом, как и Данте, и Микеланджело¹. У Ми-

¹ В 1505 году папа Юлий II призвал Микеланджело в Рим и поручил ему создание надгробия; работы затянулись, проекты менялись, и сооружение было закончено только в 1545 году. — Прим. ред.

келанджело была работа! Он не успевал к сроку, и папа приходил в ярость

Когда я был маленьким, меня звали Бим. И теперь, когда переполненный зал аплодирует, топочет ногами и требует: «Бежар! Бежар!», я выхожу кланяться, но в душе возражаю: «бим! Бим!» Им нужен Бежар, я предлагаю им Бима.

Я не виртуоз воспоминаний. И мне не очень хочется вспоминать свое детство. Во всяком случае, вспоминать холодно, целенаправленно. Вызывая к себе детство как непослушного ученика. Не нужно быть ветераном собственной жизни, лучше уж быть ее романтистом. Мое детство со мной, оно никогда меня не покидало. Я опираюсь на него, когда мне приходится туга. Я протягиваю ему руку. Часто в моих балетах персонажи протягивают к чему-то руки. Наверное, сейчас я отдаю себе в этом отчет, они протягивают руки к своему детству, а значит, и к моему.

Мне очень нравится дата моего рождения — 1 января. Я родился в Марселе 1 января 1927 года, между вокзалом и Средиземным морем. То был Марсель старых открытых трамваев: любимой забавой всех мальчишек (и мой в том числе) было взобраться на трамвай и выскоить, не заплатив. Когдато улицы вели очень театральную жизнь, а улицы Марселя жили звуками. Под окнами проходили торговцы сыром с большими плетеными корзинами, где лежали свежие козы сыры, обернутые в полотенце — молоко еще сочилось сквозь ткань.

В 1927 году моему отцу был 31 год. Он родился в Сенегале, в Сан-Луи-дю-Сенегал. Он был сыном офицера колониальной армии и бретонки, моя жизнерадостной и крепкой бабушки, которую в семье звали Нен. Мать офицера колониальной армии, моя пррабка, была сенегалкой. Этой африканской линией родства я горжусь еще больше, чем датой рождения. Будь у меня дети, они могли бы оказаться чернокожими, ибо сила негритянской крови такова, что она способна проявляться и через несколько поколений. Уверен, что именно африканская кровь сыграла решающую роль, когда я начал танцевать: мне хочется думать, что понефалу она была истинной причиной моей одержимости — потому что без тоски по танцу, которую я приписываю этой частичке Африки в себе самом, первые уроки показались бы далеко не захватывающими. Африка не позволила дезертировать.

Моя мать... Я храню в памяти образ очень молодой и очень красивой женщины. В моих глазах она одевалась лучше всех на света. Она пользовалась духами, которые теперь исчезли, я забыл их название, но помню запах. До замужества она работала в аптеке. Не прихоти ли наследственности заставляют меня теперь посещать не столько музеи, сколько аптеки всего мира?

Звали меня тогда Морис Берже, потому что я был сыном Гастона Берже. Мой отец создал общество философских исследований в Марселе и руководил журналом «Лез этюд философи».

Мать умерла, когда мне было семь лет. Но дело не в возрасте! Она умирает все время. Я так и не смирился с ее смертью, и мать возвращается в моих балетах. Я повесил ее фотографию, раскрашенную акварелью, на стену возле кухни в моей брюссельской квартире. Дверь в кухне всегда отворена, она прикрывает снимок, и я не смотрю на него: не испытываю в этом необходимости, так как ненавижу думать о прошлом. Я предпочитаю переживать его. И вспоминать свою мать и детство в том, что создаю.

Итак, я достиг возраста, когда приходится отвечать на извечный вопрос: «Кем ты будешь, когда вырастешь?» Ответ был уже готов: «Я буду режиссером». Это куда увлекательнее, чем быть просто актером: актер играет всего одну роль, свою, режиссер же становится всеми и в то же время никем... Где настоящая жизнь, где настоящая — такими вопросами я не занимался. В театре я чувствовал себя прекрасно: это был мир, который можно выдумывать самому. Мне еще предстояло узнать, что, выдумывая, выбираешь из того, чем удостоила снабдить тебя жизнь. Дети, ничего не объясняют, все чувствуют. Театр дарил мне чувство надежности.

Потом, разумеется, как и все подростки, которых отсылают в лицей, я начал писать стихи. Кучи стихов. (Впрочем, я и сейчас еще пишу, время от времени.) Но мне недоставало музыки, костюмов, людей, которые двигаются. Тал.

Отец склонял меня к спорту. Может, конечно, показалось, что философ... Но этот философ был чемпионом по ходьбе. Здоровьем я не отличался. Был тощим. Был подростком. Шла война. Мой позвоночник вовсе не походил на букву І. До сих пор слышу слова приятельницы одной из моих теток «Пенэр, мальчик растет рехитиком!» Один врач порекомендовал гимнастику, но это было скучно, другой врач предложил классический танец: тут я и попался. Я стал танцовщиком потому, что этого требовало тело.

Танцовщик не может обойтись без учителей: если хочешь усвоить технику, чтобы забыть о ней и жить ею вечером на сцене, уроки нужно брать ежедневно (иногда по два в день). К моменту моего приезда в Париж там была целая колония русских педагогов. Это исчезнувший мир. Все они словно вырвались из какого-нибудь рассказа Чехова или из главы Гоголя. Они не подражают сочтеным учтивость и злобность.

Один из них щедро лупил меня. При каждой ошибке (а одному Богу известно, сколько я их делал) он стегал меня по ногам тросточкой. Я работал с

танцовщиками обращаясь со своими ногами бережно, как со скаковыми лошадьми при перевозках — они их укутывают, так что к концу недели ляжки у меня делались полосатыми, как пижамы. Это не мешало моему бичевателю ловить меня после уроков в коридоре: «Ты ел?» Я отвечая, что ел. Но его было трудно провести: «Врун! Подожди-ка, пока я соберусь. Приглашаю тебя поужинать». Он возвращался в своем толстом пальто и заставляя меня съесть две тарелки борща в русском ресторане, а рюмку водки, заказанную для меня, выпивал сам. После блинов он улыбался: «Ты-то, может, и не знаешь, но ноги твои теперь знают, что такая пятая позиция. Никогда не забывай пятой позиции — это танец!» И он был прав.

Прошлое интересует меня, если и сегодня дает пищу для размышлений. Но вспоминать ради удовольствия вспоминать, воспоминания ради воспоминаний — это как искусство для искусства, пустое дело: это даже не пласень, потому что пласень живет и разрастается, нет, это нечто зачертевшее, иссохшее, это как дерево, которое не плодоносит. Я не хочу сказать, что прошлое бесплодно, бесплоден такой подход к нему, в особенности сегодня. Это все равно, что в нашу эпоху, мнящую, будто она более сознательна и более томима страхами, чем всякая другая, искать успокоения и забвения в памяти. И еще. Память — вещь прекрасная, она всегда сопровождает нас, память, возможно, наш ангел-хранитель, отвергающий нам новые пути; но мемуары... Все эти люди, вспоминающие себя... Зачем! Я предпочитаю иметь планы на будущее, а не воспоминания. Или же повторять великолепную строку Бодлера: «Душа, тобою жизнь столетий прожита».

Больше всего на свете люблю напостоянство — люблю менять оценки, суждения, противоречить самому себе, увлекаться произведениями, которые помочь кажутся мне несовместимыми с моими вкусами. Ненавижу прямые линии, они скучны, как автострада. Не следует путать прямую линию со строгостью. Строгость завораживает меня — в результате именно она таит в себе самые неожиданные находки и свободу. И радость. Но это трудно — трудно не понять, а принять. Как бы это сказать... Все сейчас стало таким размытым, да и зачем вообще об этом говорить? Я предпочитаю отправиться в студию, встретиться с танцовщиками, которых хорошо знаю, и попытаться с их помощью показать то, что хочу показать. Работать с моим единственным орудием труда — с телами других.

В былые времена я танцевал сам, я немало создал собственным телом. Я, я, неизменно я перед зеркалом. В один прекрасный день все это мне обрыдло. Я почувствовал себя взятым. Наверное, я до конца выжал лимон — мое тело дало мне все, что могло дать. Это много: я не обладаю телом

«типичного» классического танцовщика, я вовсе не тот исполнитель, о котором можно мечтать. Вот мне и пришло создать свой стиль, нечто соответствующее моему телу. Или точнее — мое тело придумало для меня стиль. Мои первые балеты исполняли я сам и несколько танцовщиков — мы не были хорошими танцовщиками, но тем лучше, в тысячу раз лучше!

Говорят, искусство рождается благодаря препятствиям, — так оно и было. Хорошими танцовщиками нас вряд ли можно было бы назвать, то есть ни один из нас не годился на роль солиста в Оперу. Но ведь я хотел сказать свое именно с этими танцовщиками, а поскольку я хотел сказать отнюдь не то же самое, что говорилось на больших официальных сценах, мне и не нужны были танцовщики такого типа, я должен был придумывать новые движения, новые сочетания па. И то, что я решал именно свои проблемы, проблемы своего тела — я считал себя низкорослым, коротконогим, зато у меня были плечи, спина, взгляд, — дало мне силы, куда больше сил, чем если бы я был просто талантлив, быть талантливым прекрасно. Но талант — это и проклятье, и нести его на себе очень трудно. Танец многое требует от тела. Он открывает телу бесчисленное множество движений, которые тело способно выполнить при условии, что оно будет беспрестанно этим заниматься — и телом, и танцем. Ну, это прописная истинна — человек быстро теряет навык в любом деле, но все-таки можно представить себе писателя, живописца, механика или пекаря, который прервет работу на два года, а потом к ней вернется. Танцовщик — нет. Из-за тела. Тело забудет

Обратив танец в смысл своей жизни, я принял его всерьез. Пока танец рассматривается как обряд, обряд одновременно сакральный и человеческий, он выполняет свою функцию. Но, превращенный в забаву, он перестает существовать. Остается нечто вроде феиерверка, или парада девиц в униформе, или игры на электрическом бильярде. Из танца сделали искусство второсортное, декоративное, развлекательное — я имею в виду, разумеется, положение танца на Западе. Не случайно именно на Западе танец оказался замаранным, ибо замаран и скрипку был не один только танец.

Появление Дягилева с его «Русскими сезонами» в начале века было революцией, но революцией эстетической. Между тем танец нуждался в этической революции. Нужно было заново открыть танец универсальный, оживить универсальные хореографические традиции всего мира. Это возрождение произошло в тот момент, когда Европа наконец догадалась, что надо уважать искусство и языки других континентов. Западная публика бессознательно ощущала огромную потребность в танце. Права молодежь, которая на ощупь, через рок, или поп-

музыку, или диско собирается в поисках новых обрядов. Каждая эпоха должна создавать свои обряды. Обряды наших родителей омертвели и утратили смысл.

Обновление танца больше не эстетическая проблема, мы чувствуем потребность гораздо более глубокую: на кон поставлены вопросы социальные, мироощущения. Танцу теперь незачем рассказывать, ему есть что сказать!

Танец — в этом я абсолютно уверен и с каждым днем убеждаюсь все больше — искусство XX века. Когда я утверждал это лет двадцать назад, мне смеялись в лицо. Был спорт, было кино. Было тело и мечта: танец предложит спортивные номера, но он соединит физическую культуру, спортивные достижения с эмоциональным потрясением. При этом он будет зреющим. Образным. Люди нуждаются в образах, нуждаются в эмоциях, лирике. Танец позволяет соединить эстетическое наслаждение, динамическое наслаждение и наслаждение эмоциональное. Минимум объяснений, минимум фабулы, максимум чувства.

Сегодня я констатирую, что публика повсюду интересуется балетом. Всякий раз, когда мы гастролируем в каком-нибудь большом городе, одновременно с нами танцуют еще две или три труппы — и повсюду полно зрителей. Это феномен, который не сводится к персональному успеху господина Х или господина У, это — феномен танца в XX веке

Не следует на этом останавливаться. Все, что не растет, усыхают. Нужно, чтобы настал день, когда танцевали бы все.

Наблюдая за реакцией зрителей, я понял, что мы уже вышли за пределы искусства. Мне кажется, зрители нам немного завидуют: им бы и самим хотелось быть танцовщиками. Утопия? Возможно. Чтобы танцевать, как танцуют мои танцовщики, надо только этим и заниматься, день за днем. Но существуют ведь не только такой танец. Речь не о том, чтобы во всех школах преподавался классический танец. В это я не верю. Да и кто будет преподавать? Понадобилось бы такое множество преподавателей, что все танцовщицы-неудачницы попытались бы, сознательно или бессознательно, взять реванш: «Я-то в свое время делала тридцать шесть фузетов! В итоге ученики будут спасаться от танца бегством.

Нужно придумать танец, который освобождает человека, который не создает у него ощущения, что он танцует хуже профессионала. Нужно покончить с завистью, со сравнением.

В конце концов, я живу только для танца. Чтобы очистить его от налипшей грязи. И для того, чтобы распространить танец, чтобы танец был и занимал достойное место. Какое! Первое. Так я считаю.

Перевела с французского Л. ЗОНИНА
Публикация М. ЗОНИНОЙ
Фото В. ПЧЕЛКИНА

„ЭТО БЫЛО ДВАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД СЕГОДНЯ“

Курт ЛОДЕР,
американский музыкальный критик

А вам не кажется, что «Клуб одиночных сердец сержанта Пепперона» не был лучшим диском «битлз»? И уж во всяком случае это не лучший альбом 1967 года — то был год ошеломляющего дебюта Джими Хендрикса, тогда же о себе заявили «Велвет андерграунд», записали пластинку «Между пуговиц» знаменитые «Роллинг стоунз». Как тематический альбом «Сержант» вряд ли выдерживает сравнение с «Выставкой» «The Who» или с двумя дисками заповских «Матерей изобретений» — «Абсолютная свобода» и «Мы делаем это лишь ради денег», а по сравнению с альбомом «Волынщик у врат рассвета» «Пинк Флойд» психоделический заряд пластинки «битлз» кажется довольно неубедительным.

И тем не менее, когда сегодня, двадцать лет спустя, слушаешь «Клуб одиночных сердец сержанта Пепперона», кажется, будто именно эта пластинка сохранила в себе ту славную эпоху: добро, зло, иллюзии, самообман — в чем еще все это нашло более четкое и осознанное воплощение? Поставьте пластинку на проигрыватель (или пленку на магнитофон), и ваша комната наполнится милыми призраками, полузамытыми сновидениями; откроется по-

тайной чуланчик вашей памяти, и из него выйдут Рита и Люси¹, очередной тур вальса, в котором еще не шестьдесят четыре, и ваша сорочка безукоризненно бела и хрустит как мартовский снег... Но мы отвлеклись. Так в чем же ценность «Сержанта»? По-моему, эта пластинка — Красная книга исчезнувшей добродетели — добродетели, с которой начинала поп-музыка: любовь, дружба и обязательно музыкальная прогрессивность. Именно этим «битлз» притягивают к себе и сегодняшнюю молодежь, появившуюся на свет уже после распада группы: дефицит души в обществе компенсируется в волшебной стране по имени «битлз».

К 1967 году «битлз» уже окончательно сформировались музыкально и морально, чтобы сделать Главное Заявление. Даже самые первые из вещей принесли в рок новые аккорды и гармонии, по этой части они были такими богачами, что к 1965 году их стала привлекать, так сказать, крупная форма, то есть тематический альбом. Альбом «На помощь!»² был еще, по сути, просто набором песен — правда, отличных песен, но «Эластичная личность» уже предлагала слушателю настроение, объединившее все композиции пластинки, изящество же воплощения говорило о переходе к подлинному мастерству. Пластинка также свидетельствовала об усложнении техники звукозаписи, впоследствии этот симбиоз — талант исполнителей и технических достижений сотрудников студии — стал отличительным признаком «битлз». Диск «Револьвер» с гитарными партиями, пущенными задом наперед, и другими студийными экстравагантностями стал предвестником эры технических чудес в поп-музыке, а сами «битлз» очутились в роли отцов-основателей. Но, как оказалось, усложненная студийная запись имела и свои отрицательные стороны: готовясь к очередному американскому турне, музыканты выяснили, что адекватно воспроизвести новые песни в концертном исполнении невозможно, и, когда гастроли закончились, «битлз» Рашили больше не выступать.

Решив вопрос с концертами, «битлз» полностью сосредоточились на студийной работе, и кто в конце 1966 года мог предположить, куда занесет их фантазия?

Запись «Сержанта Пепперона» началась 24 ноября 1966 года, когда «битлз» собрались в комплексе фирмы ЭМИ, расположенной по Эбби роуд, 3, в Лондоне. Присутствовали продюсер Джордж Мартин и новый звукооператор Джофф Имерик. За несколько недель, которые оставались до рождества, «битлз» и студийная команда за-

¹ Персонажи песен этой пластинки. — Здесь и далее прим. ред.

² Дискографию произведений «Битлз» см. в № 12 за 1987 год.

писали три новые песни: «Когда мне будет 64», «Стробери Филдс» навеки» и «Пенни лайн». Первая представляла собой типичный номер для мюзик-холла и была написана в традиционной для Маккартни манере, с «прослойкой» из двух кларнетов и бас-кларнета. Две другие являли нечто новое: обе родились из детских воспоминаний, и каждая ярко отражала личность своего автора. «Пенни лайн», которую написал Пол, рассказывала о маленькой уличке в пригороде Ливерпуля — композиция изысканно-небрежная и несколько застенчивая, словно Пол стеснялся своей ностальгии по детству. «Стробери Филдс» навеки — произведение Джона. Эта песня о приюте «Стробери Филдс», расположеннном в мрачном старом доме, воспоминания о котором будут вечно жить в сердцах его бывших обитателей. Композиция тоже получилась мрачной — здесь «Битлз» впервые использовали меллотрон, — но значительно более философской и мудрой, нежели «Пенни лайн». Тем не менее обе эти песни обнаруживали новый пласт композиторского дарования Джона и Пола. «Меня потрясли эти вещи, — говорит Джордж Мартин, — было совершенно ясно, что мальчики очень возмужали творчески: уже «Револьвер» был весьма сложным в музыкальном плане, но эти две песни свидетельствовали о чем-то принципиально новом».

В середине января 1967 года английский хит-парад возглавила композиция «Верую!» американской группы «Манкиз», из ниоткуда появился феноменальный гитарист Джими Хендрикс — его интерпретация популярной песни «Хей, Джо» получила мировую известность. «Битлз» тем временем хранили молчание, которое настораживало руководителей ЭМИ, и фирма решила выпустить сорокапятку с двумя песнями, предназначавшимися для нового альбома — выбрали «Пенни лайн» и «Стробери Филдс» навеки. Однако Мартин и Брайан Эпштейн, менеджер «Битлз», не хотели, чтобы эти, уже просочившиеся в систему радиовещания, песни дублировались в альбоме: «В те дни слушатели были очень экономными, — вспоминает Мартин, — очень неохотно платили за песни, которые уже слышали на сорокапятках. Сегодня это кажется абсурдом — любая группа включает удачную композицию в пластинку, собственно, для того и существует сорокапятка: это как бы обкатка песни. И все-таки «Пенни лайн» и «Стробери Филдс» навеки» были выхвачены из самого сердца «Сержанта», и 17 февраля пластинка поступила в продажу.

«Битлз» никогда не мучились в поисках музыкального материала, к концу марта они написали еще пять песен — на том этапе они назывались «Рита с бензоколонки», «Один день из жизни», «Доброе утро», «Она покидает дом» и «Блюз сержанта Пепперса».

Первым из тех, кто не участвовал в записи, новую музыку услышал Аллан

Лингстон, руководитель «Кэпитол рекордз», американского филиала ЭМИ. Лингстон приехал в Лондон на регулярную встречу совета директоров фирмы, его пригласили в студию на Эбби роуд: «Когда я пришел, звучал «День...». Что это? — спросил я. — Кто это исполняет? Я не мог поверить, что такое возможно, такая красота. Я был в шоке».

«Один день из жизни» действительно потрясает, хотя и пять других композиций (включая «Когда мне будет 64») трудно назвать альбомным балластом — каждая из них представляла собой совершенно новый взгляд на тексты, музыкальные гармонии, звуковое оформление. Но, возможно, самое главное — особенно с «высотами» технически искушенных восьмидесятых — как непринужденно, легко, иные скажут — примитивно, они монтировались. При записи «Сержанта» не пользовались ни синтезаторами, ни приспособлениями для подбора гармоний и получения пробных записей, а

ведь теперь они входят в студийную экипировку любой группы. Песни записывались на четырехдорожечных аппаратах, сейчас они кажутся смехотворными по сравнению с устройствами, которыми пользуются даже дилетанты. С точки зрения современной технологии, когда при монтаже пластинки используются сорокавосьмидорожечные аппараты, запись «Сержанта Пепперса» выглядит полнейшей авантюрией, и все же на пластинке записана музыка, равную которой рок-музыка пока еще не создала.

«Нам пришлось изобретать собственные приспособления, — вспоминает Джордж Мартин. — Словно какой-то неистовый дух импровизации реял над аппаратурой. И дело вовсе не в том, что Джон и Пол написали великолепные вещи, просто вдохновение одних воспламеняло других и наоборот. Пол всегда был более конкретным, чем Джон, когда говорил о своих замыслах. Джон мог часами рассуждать, какой эффект должна вызвать та или иная музыкальная фраза, Пол же просто садился за инструмент и начинал плести кружево мелодий. Он спрашивал: «Ты вот это имел в виду? Нет? Тогда, может быть, так?» — и продолжал работать до тех пор, пока не находил самое точное решение. «Количественный» внос

Джона в пластинку был на таким уж большим, но, так сказать, качественно он был огромен. И Пол это понимал. В то время мальчики вообще очень хорошо ладили. А мы все чувствовали, что участвуем в создании действительно чего-то великого».

Для того чтобы добиться дрожащего звука фортепиано в песне Маккартни «Очаровательная Рита» («Рита с бензоколонки»), Мартин обмотал лентопротяжного механизма клейкой лентой и получил в результате искаченную запись. Потом он мишировал ее с прямым сигналом от рояля, создав таким образом некое «подводное» звучание, ставшее позже характерным для психodelических композиций. Для записи ленноновской песни «Доброе утро» Мартин перевернул фонотеку ЭМИ и сделал настоящую оркестровку звуков ... домашних животных: вставка начинается с псовьей охоты и заканчивается кудахтанием курицы, которое неожиданно переходит в гитарный аккорд.

Однако стержнем пластинки стала композиция «Один день из жизни», единственная вещь «Битлз», действительно составленная из двух совершенно разных песен — одну написал Леннон, другую (среднюю часть) — Маккартни. «Внушительная оркестровка — идея Пола, — говорит Мартин. — Он был тогда еще таким наивным, что предложил: «Давайте пригласим симфонический оркестр и пусть парни играют все, что угодно». Я сказал, что если девяносто «парней» начнут играть все, что угодно, вряд ли это будет хорошо звучать. Поэтому кошмар еще предстоит аректировать».

В отличие от беззаботного Пола, Джордж Мартин имел представление о бюджете и уговорил Маккартни сократить оркестр хотя бы в половину. После долгой и нудной торговли Пол согласился на 42 музыканта — с такой командой «Битлз» еще никогда не записывались. Пол напекал Мартину, что оркестранты будут чувствовать себя непривычно в обстановке полного хаоса, который обычно царил в любом месте, куда хотя бы на пять минут наведывались Леннон и Маккартни. Когда Мартин попросил его изъясняться внятно, Пол сказал, что неплохо было бы оркестрантам прийти во фраках. Мартин пожал плечами, буркнув, что с подобным идиотизмом никогда не сталкивался, но о фраках распорядился. И вот в студию пришли солидные симфонические музыканты, и им предложили сыграть тщательно продуманную аранжировку, то есть совершенно противоположное тому, что они исполняли всю свою сознательную жизнь. Поначалу они отказались, но их все же уговорили попробовать, и с третьей попытки получилось нечто впечатляющее — такие какофонии в поп-музыке еще не было. Присутствовавший при записи Мик Джеггер обнял Пола и сказал, что столь «шикарного кошмара» он никогда не слышал.

Не менее впечатляющим получился и

финал, который они записали без микширования: Мартин и четверо «битлов» сели за концертные рояли и одновременно взяли один и тот же аккорд. Когда звук начал затухать, находившийся в аппаратной Джофф Имерик увеличил уровень записи — и создалось впечатление, что аккорд парит в вечности, которую и по сей день штурмует рок.

Зато свист Пола, которым закончилась пластинка, слышат только собаки («Мы еще ни разу не писали ничего для животных», — сказал он потом).

Где-то в середине февраля «битлы» задумались над оформлением конверта. Один из друзей предложил попробовать американских художников Джейн и Питера Блейков. «Когда «битлы» записали примерно половину материала, — вспоминает Блейк, — уже было ясно, что пластинка станет называться «Клуб одиноких сердец сержанта Пеппера». Идея альбома — концерт, настоящий концерт с уважением и финалом, и каждый из оркестрантов сержанта Пеппера исполнит свою песню. По-моему, у них даже уже была готова униформа — они решили, что оркестр сержанта Пеппера должен выглядеть именно так. Я подумал, что не плохо было бы сфотографировать их на фоне огромной толпы, состоящей из великих личностей, из знаменитостей, из литературных персонажей, из героев народных сказок... Я составил список тех, кого предполагал снимать. «битлы» всех отвергли и принялись составлять свои списки: Джон и Пол не обошли вниманием даже генералитет, а Джордж хотел фотографироваться на фоне двухсот своих знакомых гуру. Ринго бездельничал два дня, потом сказал: «Я заранее одобряю выбор всех остальных».

Наконец список был готов. Леннона пришлось долго уговаривать вычеркнуть Христа, поскольку руководство фирмы боялось неприятностей со стороны церкви.

Питер и Джейн две недели готовили съемочную площадку: из журналов и книг вырезали изображения, с помощью пантографа увеличивали до человеческого роста и воссоздавали точные портреты. Потом их устанавливали на специальные кронштейны, в «головы» последнего ряда наклеивали на голубой фон. Затем Блейк попросил всех принести «свои любимые предметы», и Леннон притащил переносной телевизор («Он почему-то решил, что без телевизора нам не обойтись», — говорит Блейк), тряпичную змею и тяжеленный бюст неизвестного римского патриция. Харрисон настоял на буддийском божке, а Ринго где-то раздобыл огромную куклу в майке с надписью «Роллинг стоунз».

Музей восковых фигур мадам Тюссо любезно предоставил копии самих «битлов» и восковую фигуру американского боксера Сонни Листона. Потом договорились о доставке цветов, которые должны были устилать весь передний план. В самый последний момент

Пол решил вручить каждому по духовому инструменту. «Оркестранты должны быть с трубами», — приговаривал он. В музыкальном магазине едва удалось избежать скандала — денег хватило только на три трубы, и Пол в отчаянии пытался снять розжок. Слава богу, владелец лавки оказался фанатичным поклонником «битлов», и дело не получило широкой огласки. Потом раздобыли басовый барабан, и можно было приступать к съемке.

Первая попытка закончилась полным фiasco: на Ринго напал приступ смеха и его долго не могли успокоить, когда же он наконец утомился, выяснилось, что у него усы разной длины. Это открытие так развеселило Пола, что он упал на «Мерилайн Монро» и переломил ее в талии. Взвешенный фотограф, им был знаменитый мастер Майкл Купер, сказал, что он впервые встречает таких чокнутых клиентов.

Потом оказалось, что прибыли не те цветы: Джейн договорилась о по-

лазах ромашках, они получались на фотографиях очень яркими и практически не требуют ретуши, кроме того, ромашки долго не зянут. Вместо этого прибыли блеклые лесные гиацинты, и всю партию пришлось забраковать. Наконец привезли ромашки, но их оказалось слишком мало, чтобы выложить передний план. Один из ассистентов предложил разложить их в виде гитары, и «получился предмет, немного напоминающий кость», — до сих пор неизвестен Джейн.

Съемку пришлось отложить до следующего дня — всю ночь Джордж посвящал Ринго в тайны индийского аутотренинга, и к утру Старр вообще перестал реагировать на действительность. Наконец все собрались в павильоне, маэстро прильнул к видеокамеру и... «Ринго расплылся в идиотской улыбке», — вспоминает Харрисон. — Тут уж не выдержал Джон: он поднял свою трубу и заснул королевский гимн. Фотограф автоматически вытянулся, запутался головой в своей черной тряпке и перевернулся в аппарат. Началось таинство... Я думал, он убьет Джона».

С третьей попытки съемка удалась — сфотографировали обе стороны конверта и разворот, однако случилось непредвиденное: один из реально существовавших героев толпы потребо-

вал вознаграждение за воспроизведение своей тощей фигуры. Ему вежливо отказали и заменили картонку... живым Кассиусом Клеем — знаменитый боксер, путешествовавший в то время в Англию, обрадовался как ребенок и сам был готов приплатить за возможность сняться с «битлами».

Слухи о том, что «битлы» записывают новый альбом, просочились в прессу, и с чьей-то нелегкой руки все заговорили о наркотиках, которыми музыканты якобы подстегивали свою творческую фантазию. (Когда пластинка появилась в продаже, необычность музыки, или «странных» ее, как насторожили наиболее ортодоксальные критики, стала для легковерных еще одним доводом в пользу наркотиков.) Мартин же высказывает по этому вопросу весьма категорично: «Соавторами «Сержанта Пеппера» были нечеловеческий труд и подлинный талант. Наркотиков не было, это говорю я, Джордж Мартин, — их придумали те, кто до сих пор ненавидит мальчиков за нестандартность мышления».

Как же создавались остальные песни «Сержанта»? Дженини Бойд, невестка Харрисона, увлекалась в то время индийскими философами, в одной книге ей запомнилась строка: «Жизнь продолжается и с тобой, и без тебя». Фраза мелькнула в разговоре с Джорджем, и как говорится, остальное было вопросом техники. Песня Харрисона «С тобой и без тебя», которой открывается вторая сторона пластинки, никогда не нравилась Мартину: «Я очень уважаю Джорджа, но иногда его заносит...» Но музыкальный вызов, который бросила индийская школа гармонии европейским традициям, привлек Мартина-композитора, и он решился на запись: сам Джордж играл на сitarе, в два его приятеля из Лондонской ассоциации индийской музыки — на табле и дилрубе (табла — разновидность индийского национального барабана, дилруба — инструмент, несколько напоминающий скрипку). — Авт.). Мартин сделал аранжировку средней части композиции, включив европейские инструменты, которые вели тягучую индийскую мелодию, — получилась забавная «восточная смесь», как говорит Мартин, «восточной экзотики и западного пуританизма».

Вторую песню на пластинке — «С помощью моих друзей» исполнял Ринго. «Ринго не самый выдающийся вокалист на света», — улыбается Мартин, — но в его голосе столько обаяния и теплоты... И потом, друзья ему действительно помогали: вокальная трехголосье Джона, Пола и Джорджа прослушивается прекрасно».

При изготовлении матрицы Мартин принял еще одно, довольно рискованное по тем временам решение: чтобы создать впечатление целостности пластинки, он отказался от традиционных трехсекундных пауз между композициями: «Меня все отговаривали, ссылаясь на то, что слушатель не сможет найти начало понравившейся песни».

Я послал всех к черту и сказал: «Они будут слушать всю пластинку, с первой бороздки до канавки сбега на второй стороне — мальчики создали настоящую музыку, а не кулек пасхальных шлягеров!» И кто оказался прав?!

В конце мая «Битлз» пригласили журналистов на прослушивание новой работы. Все выдающиеся перья музыкальной Англии собрались в квартире Брайана Эпштейна, и пока контрольный экземпляр пластинки доводили до кондиции — оказалось, что его отшамповали без центрального отверстия, — терзали Пола вопросами относительно того, что он думает по поводу запрещения радиотрансляции «Одного дня из жизни». (Еще до выхода пластинки в свет радиостанция Би-би-си наложила запрет на песню: она якобы была написана под воздействием наркотиков. — Прим. пер.) Пол засмеялся: «С тем же успехом можно запретить Моцарта: они с Сальери, говорят, пьянствовали».

Наконец Ринго проковырял в пластинке дырку, и ее поставили на проигрыватель. Вот как вспоминает свои первые впечатления Дерек Тейлор, один из ведущих биографов «Битлз» и близкий друг музыкантов: «Я «ушел» в музыку, как Джон в мечту (обыгрывается строчка из последней песни на пластинке. — Прим. пер.). Когда игла оторвалась от пластинки, я увидел, что Голдли, музыкальный обозреватель «Мелоди мейкер», плачет. А мне казалось, что передо мной прошла вся моя жизнь, с детства и до сегодняшнего дня».

«Жизнь действительно очень сложная штука, — продолжает Тейлор, — да и вообще, что такое наша жизнь? Вы можете ответить на этот вопрос? Я — нет. А они сумели. «Битлз» сделали большее: они ее показали, и оказалось, что в жизни есть не только любовь, которую вовсю воспевала поп-музыка 60-х, но и дружба и еще какие-то важные вещи. Человек — загадка, кто спорит, но сколько же об этом можно петь? Человек всесилен, и «Битлз» не побоялись сказать это. А новая эра студийного экспрессионизма? Тоже они. Вы говорите, что «Сержант Пеппер» — несколько наивная пластинка? Возможно. Но не кажется ли вам, что «Сержант Пеппер» куда лучше нас осведомлен о положении дел в наших с вами восьмидесятых? И потом, тогда люди не были столь циничными, как сейчас, и фраза «Все, что тебе нужно, — это любовь!» звучала очень искренне — нам действительно была нужна любовь. Сейчас, похоже, на этот товар нет спроса».

Ненадолго, может быть, на час или два, «Сержант Пеппер» пробуждает в нас былых идеалистов: оттаивают сердце железобетонных политиков, добрят суровые лица дельцов. «Итс геттинг беттер», — поет Пол, и мы вместе с ним надеемся, что скоро все станет иначе, лучше.

Перевод с английского
С. КАСТАЛЬСКИЙ

Хронология записи «Сержанта» и комментарий переводчика

24 ноября 1966 года. Запись «Стробери Филдс» навеки — в песне рассказывается о приюте Армии спасения в пригороде Ливерпуля. Ребенком Джон со своей тетушкой Мими часто гулял в саду приюта. Слова «granberry sauce» («клубничный соус»), с учетом произношения Леннона, могут слышаться как «I buried Paul» («Я похоронил Пола»), что породило слухи о гибели Маккартни и замене его неким зловещим музыкантом. Кстати, в опубликованном тексте песни слов «granberry sauce» нет — это характерно не только для «Битлз», но и для многих других рок-музыкантов: напечатанные тексты часто отличаются от фонограмм.

10 декабря. «Когда мне будет 64». Эту песню Пол написал в шестнадцать лет и посвятил своему отцу, которому

тогда исполнилось 64 года. «Я подумал, что она вполне может подойти для какого-нибудь мюзикла», — сказал позже Пол.

1—14 января 1967 года. «Пенин лейн». См. статью Лодера. Пол ввел трубы-пикколо — ему очень нравилось их звучание в «Бранденбургских концертах» Баха. Как уже говорилось, ни «Стробери Филдс», ни «Пенин лейн» не вошли в «Сержанта Пеппера», но были включены в следующий диск «Битлз» «Волшебное таинственное путешествие».

19 января. «Одни день из жизни». Рассказывается об автомобильной катастрофе, в которой погиб Тара Брауни, большой друг «Битлов». Говоря о фильме, Леннон имеет в виду картину «Как я выиграл войну», в которой он снялся. Слова «четыре тысячи ямок». Джон взял из газеты «Дейли мейл»: в редакционной статье рассказывалось о плачевном состоянии автомобильных дорог в графстве Ланкашир.

1 февраля. «Клуб одиноких сердец сержанта Пеппера». История появления до сих пор неясна, хотя, как утверждает оператор Мал Эванс, вначале была задумана песня о «соле и перце [кеппер — по-английски — перец]».

16 февраля. «Доброе утро». Леннон посмотрел утреннюю рекламу, в которой говорилось о кукурузных хлопьях, и сюжет лег в основу песни.

17 февраля. «Все на бенефис мистера Кайта!» Слова этой песни Леннон «содрал» с цирковой афиши столетней давности, которую он нашел в деревенской библиотеке в графстве Кент.

21—22 февраля. «Забиваясь в нору» и «Очаровательная Рита». Обе песни написал Пол. Первая — впечатления Маккартни от детского мультфильма о кроте, который прячется в свою нору, не желая соприкасаться с действительностью. Вторая — о девушке с бензоколонки, за которой Пол долго и безуспешно ухаживал («Rita-meter» — американский, то есть это Рита, следящая за счетчиком бензина).

2 марта. «Люси в небе с алмазами». Песня Леннона. Первым до аббревиатуры ЛСД «додумался» Кейт Ричардс из «Роллинг стоунз», и долгое время считалось, что песня посвящена этому наркотику. Джон неоднократно заявлял, что так его сын Джордан назвал абстрактное произведение одного знакомого художника.

9 марта. «Все лучше и лучше». Песня Пола. Во время последних американских гастролей у Ринго обострился хронический тонзиллит, и барабанщик Джимми Никол, который некоторое время — и весьма неудачно — заменял Старра, по несколько раз в день навещал больного Ринго, приговаривая эти слова. Слышино, как на заднем плане Джон произносит: «Хуже и быть не может».

15 марта. «С тобой и без тебя». Песня Джорджа. См. статью Лодера. Партию бас-гитары исполняет Клаус Вурман (по образованию Вурман художник, он оформлял конверт альбома «Битлз» «Револьвер»).

17 марта. «Она покидает дом». Песня Пола. В основе лежит статья из «Дейли миррор», в которой рассказывалось о распаде одной преуспевшей семьи. Часть текста написал Джон.

30 марта. «С помощью моих друзей». Песня Пола, первоначально называлась «Буги для больного пальца». Слова Джон и Пол написали вместе. Исполняет Ринго.

На сбое со второй стороны записан свист Маккартни (частота примерно 15 кГц) — человеческое ухо практически не воспринимает этот звук, но домашние животные реагируют на него великолепно. На дорожке у самого ярлыка записан в обратную сторону обрывок бессмысленной фразы.

От редакции: Курт Лодер называет пластинку «Клуб одиноких сердец сержанта Пеппера», хотя, конечно, правильное название — «Оркестр клуба...».

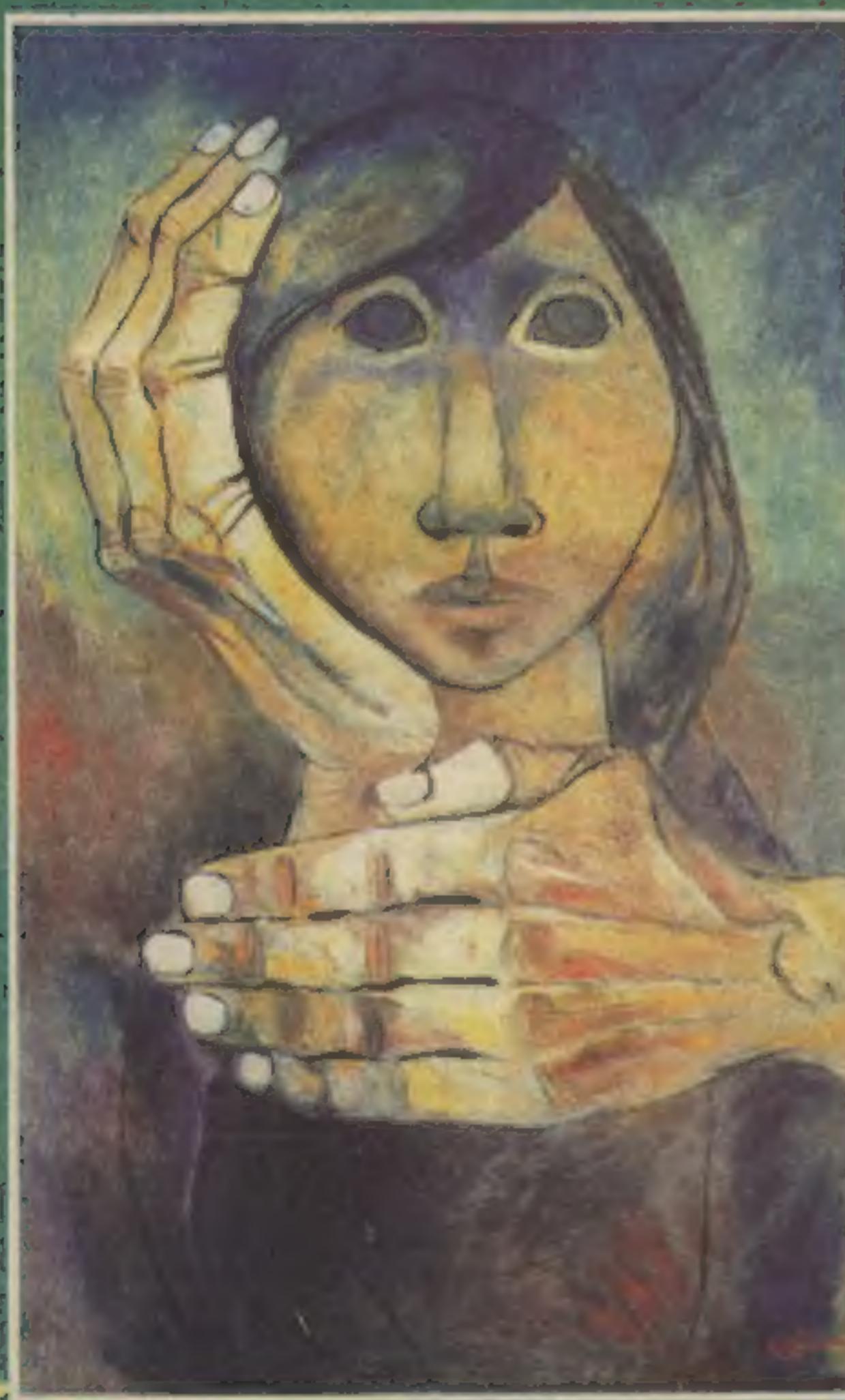
167

Ровесник

3/88

СИРИЛЛ

СИРИЛЛ с бесконечностью

Две, которые любят друг друга

В усадьбе

В Москве, в музее Искусства народов Востока, прошла выставка известного эквадорского художника Эдуардо Кингмана, «Я с радостью и надеждой хочу возвестить... о том, что наконец наша земля дала нам подлинного и могучего художника, появления которого мы с таким нетерпением ждали», — писал один из коллег Кингмана после первой выставки его работ в столице страны, Кито. Выставка эта состоялась в 1935 году.

С тех пор картины, гравюры, фрески Кингмана, посвященные труду, праздникам, обычаям и условиям жизни эквадорского народа, украсили многие музеи мира.

Тина Тернер

«Вопреки всем нормам» — так называется последний альбом знаменитой американской певицы Тины Тернер, чей творческий путь также развивался вопреки всем нормам. Тина Тернер вышла на сцену в 1956 году, была очень популярна в шестидесятые годы, в начале семидесятых. Затем интерес к ее творчеству пошел на убыль, но в начале этого десятилетия она вернулась в рок-музыку, и возвращение это было поистине триумфальным: «Вечно молодая Тина» (так говорят о ней западные критики) успешно сотрудничает с Родом Стюартом, Марком Нопфлером, группой «Роллинг стоунз», а несколько ее песен, записанных в дуэте с Миком Джaggerом, сейчас очень популярны в США и Европе.

